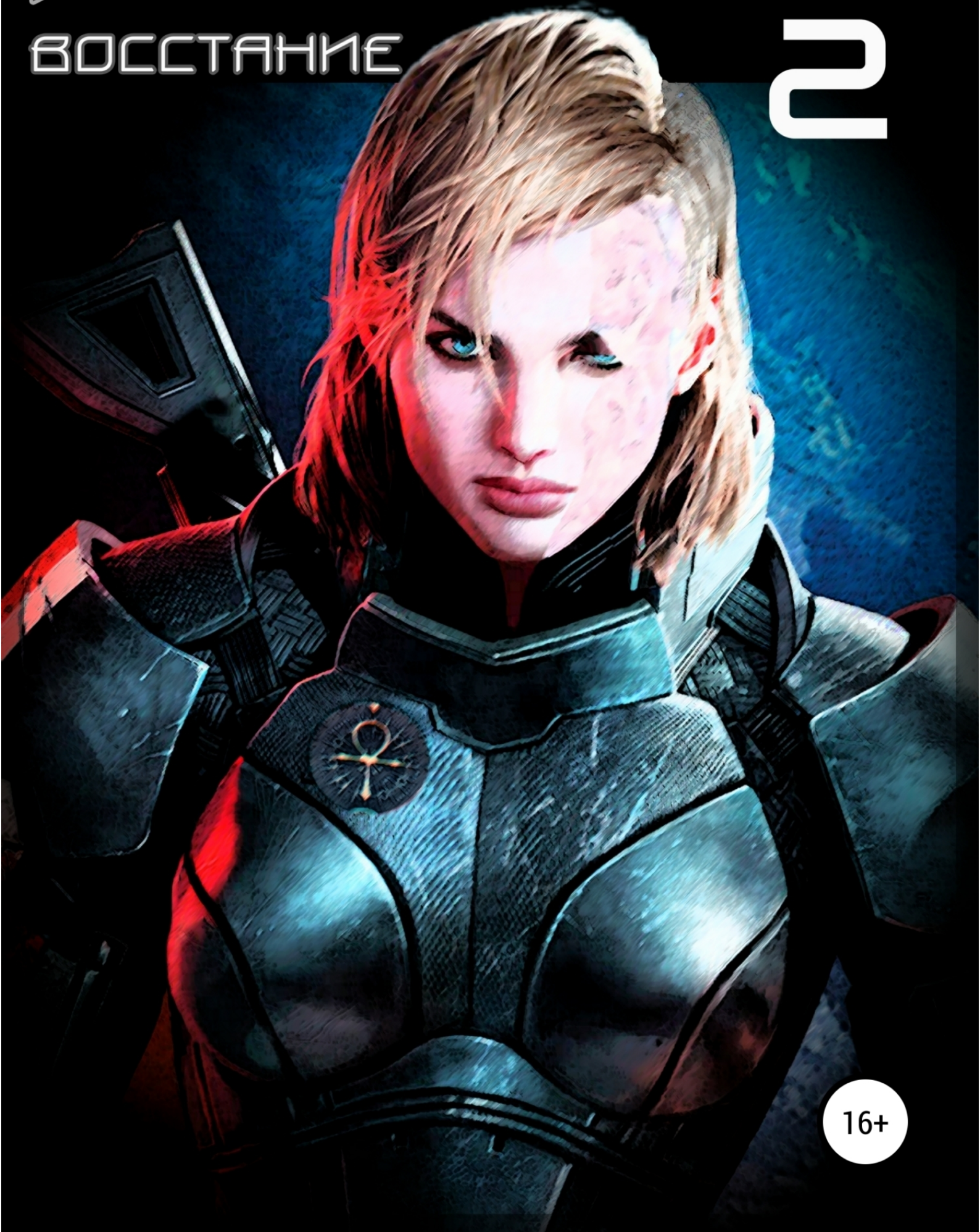

АНА С.

ПАДАЛЬЩИКИ

ВОССТАНИЕ

2

16+

Айя Сафина

Пададьщики. Книга 2. Восстание

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Сафина А.

Падальщики. Книга 2. Восстание / А. Сафина — «ЛитРес: Самиздат», 2019

ISBN 978-5-532-10682-6

Непобедимый вирус, превращающий людей в монстров, продолжает истреблять остатки человечества. После массовой атаки зараженных Тесса восстает из мертвых. Новые знакомства с загадочными людьми, выжившими после заражения, придают сил для продолжения борьбы со смертельной заразой. А тем временем на подземной базе Желява изнуренное военным режимом население организует мятеж против Генералитета. Чем завершится глобальное восстание людей против вируса? Поддадутся ли остатки человечества страху перед смертью или рискнут всем, что имеют, ради надежды на светлое будущее?

ISBN 978-5-532-10682-6

© Сафина А., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Глава 1. Начало	5
Глава 2. Всякая боль пройдет	20
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Айя Сафина

Падальщики. Книга 2. Восстание

Глава 1. Начало

24 мая 2030 года. 18:30

Доктор Август Кейн

Папка выпала из моих трясущихся рук, и я проклял себя за то, что теряю самообладание. Держи себя в руках, черт подери! Еще не все кончено! Исследования продолжаются, а значит, бой еще не проигран. Нам просто надо докопаться до дна кроличьей норы, чтобы разгадать секрет этого чертова вируса, в конце концов, должно же это дно где-то быть!

– Кейн! – позвала Кристина.

Я обернулся. Моя жена в белоснежном халате бежала ко мне с планшетом в руках. Какая же она красивая! Почему-то я так редко замечал это, практически никогда не делал ей комплиментов, хотя ведь это было несложно – она работала со мной бок о бок в лаборатории всю мою карьеру становления как ученого-вирусолога, начиная с первых парт в университете и заканчивая нынешней назревающей катастрофой. Но я молчал, уткнувшись в микроскоп и пробирки с бактериями: мизерными, незначительными и загадочными. Теперь-то мне ясно, что не туда мой изучающий взор был устремлен. Вот она, истинная невинная красота – в каждом движении моей жены, в томном взгляде ее серых глаз, в полете ее длинных кудрявых светлых волос, развевающихся на ветру, точно флаг дома. Моего дома. Дом, который вскоре будет уничтожен.

Но не только переливы золота притягивали мое внимание к волосам жены. Они еще были сальными у корней и взлохмаченными, хотя это сложно заметить у обладательницы кудрей, но я видел все. Потому что она, как и все мы – двадцать пять ученых и ассистентов, работавших над проектом Терра Аустралис (*Terra Australis Incognita* – *пер.лат.* «Неизвестная Южная земля» – так Птолемей первым описал гипотетическую возможность существования Антарктиды), уже давно перестала выходить из лаборатории, наверняка уже несколько дней не принимала душ, довольствуясь жалкими двумя-тремя часами сна прямо за компьютерами, пичкая себя тоннами крепкого кофе и шоколадками из автомата. Мы все были измождены, но даже этой скорости не хватало, чтобы опередить заражение, которое прогрессировало, как стремительная иммиграция саранчовых стай.

Мы забыли, что такое дом, два месяца назад, когда стали поступать сообщения о странных вспышках агрессии среди людей. Когда мы узнали, что инициаторами в них выступали наши бывшие двадцать два пациента из антарктической экспедиции, которых мы до этого наблюдали в нашем центре по контролю заболеваний в Стокгольме на протяжении трех месяцев, мы побледнели.

Как и предсказывал мой коллега, по совместительству лучший друг и шафер на свадьбе – Генри, которого я обожаю и ненавижу одновременно за его необъяснимые и поразительные способности точного прогнозирования – все шишки попадали в нас. Я до сих пор ругаю себя за проявленную слабость. Я должен был устоять перед натиском премьер-министра и тех недалекого ума представителей корпораций Фармчейн и Сандоз, которые уже заключили контракт с ВОЗ о начале запуска производства вакцины против нового вируса. Они сообщили властям всех стран-членов ООН (даже целую конференцию с фуршетом устроили!) о том, что именно наша лаборатория смогла найти вакцину против новой заразы и она успешно протестирована. Но это было вранье! Они сделали заявление, совершенно не вникая в наши доклады! Мы сообщили о том, что нам удалось ввести болезнь в стадию стойкой ремиссии, но насто-

ятельно рекомендовали оставить пациентов под наблюдением на протяжении как минимум полугода, прежде чем выпускать препараты на рынок.

– Полгода? Вы в своем уме, Август? – возник Альфред Гласс, генеральный директор Фармчейн – корпорации, занимающей третью часть фармацевтического рынка Европы.

Это был необъятных размеров мужчина с нависающим над коленями животом и грузным многоэтажным подбородком, из-за которого лицо и шея соединились в единую часть тела. Черные локоны искусственных волос, зачесанные набок, чтобы скрыть лысину, еще ярче подчеркивали последнюю стадию сахарного диабета. А исходивший от него запах кислоты и ацетона, заставляли задерживать дыхание, когда он приводил свое потное тело в движение. Сердце щемило от того, что дорожные костюмы от Бриони у него были одноразовыми – при всей своей физиологической омерзительности он отличался нелогично развитой брезгливостью к многократному ношению одежды.

Пока он говорил, меня не покидала мысль о том, что из-за таких людей, как он, не желающих умерить свой аппетит в потреблении земных ресурсов, вирус и вырвался на свободу из плена антарктических льдов.

– Мы уже сообщили ВОЗ, что вакцина найдена и прошла тестирование, – поддержал Вейнер Граф – председатель совета директоров компании Сандоз, которая и финансировала весь исследовательский проект по вирусу.

Этот худой седовласый старик в прямоугольных очках ярко контрастировал с жертвой жадного потребления – Альфредом Глассом. Но тот хотя бы имел медицинское образование. Вейнер же ничего не смыслил в фармацевтике. Он был бизнесменом. Вот так правление Сандоза поставило во главу угла прибыль, а не сам смысл своей деятельности. Им было все равно, что производить, главное, это должно быть прибыльным. Вейнеру принадлежит идея создания нового препарата против рака толстой кишки, побочные эффекты которого настолько чудовищны, что людям приходится покупать в том же Сандозе комплекс препаратов, избавляющих от мигреней, диареи, кровотечений из лопнувших сосудов. Так Вейнер увеличивал продажи: продавал людям токсичные пилюли, которые вынуждали покупать дополнительные лекарства для борьбы с побочными эффектами, чей список продолжался до бесконечности, как и прибыль кампании. Сандоз увидели в нем бога. Я же лишней раз задался вопросом: куда все человечество идет с такими лживыми благими намерениями, скрывающими внутри себя гниль и разложение?

Я не стал поправлять Вейнера в сотый раз в том, что мы не занимаемся разработкой вакцины, мы создаем многокомпонентную противовирусную терапию. Но если они не вникли в результаты наших исследований, нет смысла ждать от них адекватных требований. Они не понимали, что существуют вирусы, которые невозможно вывести из человеческого организма, но их можно подавлять. Тот же самый вирус герпеса, который спровоцировал созревание уродливой язвы в уголке рта Вейнера, например. Но даже несмотря на столь зудящий для Вейнера факт, он все равно оставался сторонником крайностей: болезнь либо вылечена, либо нет. Срединные меры прибыль не приносят, ведь среднестатистический потребитель тоже не хочет вникать в элементарный курс биологии, а желает получить микстуру, которая избавит его от мерзких вредных бактерий одной пилюлей.

– А это не мои проблемы. Вы не должны были сообщать ложные сведения, – противился я.

– Ошибаетесь, Август. Это – наши общие проблемы. Если вы не способны найти лекарство, у меня в записной книжке есть тринадцать имен выдающихся ученых, желающих занять Ваше место, – ответил Вейнер.

– Если Вы будете менять ученых, как перчатки, далеко в изучении вируса Вы не уйдете, – вставил мой друг и коллега Генри.

Он всегда стоял со мной бок о бок еще с аспирантуры в университете, где мы познакомились. Я знаю, что он ухаживал за Кристиной в студенческие года, так мы и объединились в одну компанию – Кристина стала нашим форумом. Спустя четыре года Кристина сделала выбор в пользу меня, а Генри уже не мог с нами расстаться. И вот прошло тринадцать лет, а мы продолжаем наш научный путь вместе. Честно признаться, я не знаю, что бы я делал, если бы их двоих не было рядом. Кристина – мои колеса, Генри – мой кучер, а я – сокровищница идей. Любой успех мы делили на троих. Как и провал. Как, например, этот.

Генри носил узкие очки в тонкой черной оправе, так четко контрастирующей с его светлыми волосами, собранными в хвост. Он был статный стройный и выше меня аж на целую голову, и за это я его тоже ненавидел, особенно когда он шутил по этому поводу: облокотится на мою голову и тотчас же резко одергивается со словами, типа:

– Ой прости! Я думал, это тумбочка!

Паршивый из него остряк.

– Позвольте нам самим решать, кого брать на работу и чьи услуги оплачивать, – холодно парировал Вейнер.

– Я не снимаю с себя обязанности ведущего ученого в исследовательской группе. Я просто прошу у вас еще немного времени, – сказал я.

– Его больше нет. С каждым прожитым днем паника среди населения возрастает. Звонки из ВОЗ и правительственных администраций разрывают мой телефон. Я не хочу повторения Эболы и Зика, в конце концов, опыт борьбы с ними должен был нас научить тому, что люди склонны преувеличивать серьезность заразы, а СМИ лишь подогревают сковороду. Отменяйте карантин и наблюдайте за пациентами в дневном стационаре. Они по-прежнему будут в вашем ведении, просто вы будете изучать их незаметно для публики – на дому. А мы тем временем начнем производство препаратов, – сказал Альфред.

– Что Вы будете делать, если в дальнейшем обнаружатся новые критические особенности вируса, а Ваши препараты уже всю будут использоваться населением? – спросил Генри.

– То же, что и всегда. Введем изменения в состав и назовем улучшенной формулой. Приставки «ново-», «ультра-», «мега-» всегда работают безотказно на мнение потребителей, – ответил Вейнер.

Ну разумеется! Он знал все о маркетинговых ходах и ничего о медицине.

– Я подумаю над Вашим предложением.

Я встал и уже готов был выбежать из кабинета, как Вейнер меня остановил.

– О нет! Погодите. В независимости от того, захотите ли Вы остаться или уйти с поста ведущего исследователя, сегодняшней день будет запечатлен, как историческая дата!

Меня заставили вместе с Генри встать на фоне эмблем Сандоз и Фармчейн, установленных на входе в здание исследовательского центра. Альфред Гласс стоял сбоку от статного высокого Генри, задержавшего дыхание. Сухощавый сутулый Вейнер Граф пожимал мне руку, пока продажный журналист щелкал фотоаппаратом.

– Улыбайтесь, доктор! Побольше радостных эмоций! Представьте, что Вам подарили щенка! – он сделал около сотни кадров, и все это время мне хотелось раскрошить ладонь Вейнера в своем кулаке.

Исследователи в белых халатах и бизнесмены в дорогих черных костюмах – эта униженная фотография разнеслась по всем уголкам мира в газетах, журналах, новостных веб-сайтах. На следующий день весь мир увидел мое лицо и запомнил, как героя. Именно тогда мы с Кристиной стали пропадать в лаборатории с утра до ночи, чтобы не наткнуться на соседей и почтальонов, уверенных в своей обязанности пожать мне руку, как гению, спасшему человечество от очередного смертельного вируса.

– Если у пациентов начнутся осложнения, все шишки полетят в нас, – сказал тогда Генри. – Никто и слушать не будет, что нас прессовали!

У нас не было выбора. Мы могли уйти из проекта, и тогда другие исследователи продолжили бы нашу работу. Но им бы потребовалось несколько недель, чтобы вникнуть в наши разработки. А если моя фотография уже летает с новостью о том, что лечение найдено, то какая разница?

Я остался в проекте. Как сказал Вейнер, неважно кто окажется на моем месте, мое лицо навсегда останется в истории. Мне нечего было терять, кроме полугода интенсивной исследовательской работы, за которую я чувствовал себя ответственным.

Я согласился отменить карантин.

Мы отпустили двадцать два пациента антарктической экспедиции, принесшей этот злощастный вирус на наш материк. Мы наблюдали их на протяжении полугода: приходили на дом, чтобы взять анализы, произвести физиологические измерения, сделать внутривенные переливания крови, которая отныне стала неотъемлемой частью противовирусной терапии.

Дело в том, что главным своим оружием вирус сделал физиологическую потребность человека в крови, в буквальном смысле отключив способность человеческого тела воспроизводить эритроциты. Эритроциты содержат гемоглобин, обеспечивающий транспорт кислорода в организме, без которого жизнь невозможна. Образование гемоглобина запрограммировано генетически. Гены в шестнадцатой и одиннадцатой парах хромосом отвечают за синтез альфа- и бета-белковых цепей глобина. Впоследствии к ним присоединяется молекула гема, включающая в себя атом железа, который и захватывает молекулы кислорода через легочные капилляры и транспортирует его ко всем тканям организма. Вирус скопировал гены в шестнадцатой и одиннадцатой хромосомах с информацией о синтезе гемоглобина и создал свою версию ДНК с измененным геном, блокирующим создание белковых цепей глобина, и под действием интегразы встроился в хромосому человека. С этого момента костный мозг прекращал выработку гемоглобина, а существующие эритроциты погибали в течение ста-ста двадцати дней.

Обнаружив новый ход вируса, мы, разумеется, приступили к регулярным переливаниям крови, чтобы поддерживать жизнедеятельность пациентов. Когда был отменен карантин, пациенты по-прежнему получали не только медикаментозное лечение, но и новые порции крови. Одновременно мы готовились к самым пессимистичным прогнозам, организовав карантинные блоки в ближайших больницах, даже родственников обследовали на постоянной основе, и ничто не предвещало плохих новостей, а мы вроде вошли в привычный размеренный темп исследований.

Но спустя шесть месяцев к нам привезли уже знакомого геолога. Он был в бреду, никого не узнавал, не понимал, кто он и где находится. А потом он и вовсе впал в безумие. Сопровождавший его брат сообщил, что Фарад накинулся на него ни с того ни с сего и вцепился зубами ему в руку. Мы сразу поняли, что вводить в карантин необходимо обоих.

А потом начался ад.

Звонки обеспокоенных родственников начали поступать со всех концов Европы. Все двадцать два участника экспедиции сошли с ума и стали набрасываться на людей. Тринадцать человек привезли к нам обратно, остальных развезли по близлежащим больницам и центрам по контролю заболеваний с карантинными отделениями. Мы настоятельно требовали изолировать всех, кто был укушен. Но, как это бывает, если хочешь, чтобы все получилось, как надо, делай это сам. Не могли же мы, как грибники, бегать по городам и собирать людей в корзинку. В итоге, разумеется, всех изолировать не удалось. Нашлась пара человек, которые не обратились за медицинской помощью и отправились домой заниматься самолечением. А там у них прогрессировало заражение.

С тех пор прошло два месяца, и приступы агрессии среди людей стали появляться в новостях все чаще. Их так и называли – вирусная Вспышка. Мы уже не имели никакого контроля над распространением вируса. Сканеры в аэропортах и международных вокзалах не могли обнаружить вирус на ранней стадии, даже социальные видеоролики, снятые по заказу ВОЗ, о первых

признаках заражения были малоэффективны, потому что редко какой человек отличит изменения в своем организме от обычных симптомов гриппа или простуды.

А вирус так и работал: проникнув в кровеносную систему после укуса, спустя некоторое время он начинал захват всего организма – поражал лимфатическую, репродуктивную, эндокринную, костно-мышечную системы. Инфицированного постепенно охватывали самые разные симптомы: жар, увеличение лимфоузлов и оттока слизи, ломота и слабость в теле – в общем, все то, что среднестатистическим человеком воспринималось, как грипп. Обычно, когда симптомы расширились уже до диареи и рвоты, некоторые начинали понимать, что происходит нечто странное. Ладно, если бы на этом этапе они обозначали себя перед врачами, но были и те, кто продолжал лечить себя антибиотиками и противодиарейными, не желая тратить медицинскую страховку на то, с чем вполне способны справиться сами.

В какой-то момент инфицированные входили в состояние, как им оказалось, выздоровления, они начинали чувствовать в себе прилив сил и бодрости, из головы уходил туман, жар снижался, но это лишь означало, что вирус входит в финальную стадию – он перезапускал нервную систему и уже на следующий день обманутый облегчением человек впадал в болевой шок от возрастающей ломоты в теле и отказа органов. Вирус добирался до нервных клеток, создавая в них импульс, который мозг воспринимал, как болевое ощущение. И когда вирус поражал одну нервную клетку за другой, человек либо впадал в кому сам, либо его вводили в нее вынужденно, если этот этап происходил в медучреждении, потому что такой болевой шок был способен остановить сердце.

И на данном этапе мы зашли в тупик. Потому что после этой «мини-смерти» – как сами ученые нарекли внезапную кому – человек просыпался другим. Он терял восприятие себя и окружающего мира, переставал узнавать родственников и даже терял способность к речи, в том числе к ее пониманию. Казалось, что за время комы человека подменили, но ни один анализ, ни одно МРТ не обнаруживало перемены в структуре мозга, как это обычно происходит при опухолях. В этом была загадка вируса: каким образом ему удалось отключить сознание человека, как если бы оно имело тумблер вкл/выкл?

В то же время в человеке рождалась загадочная тяга к агрессии и насилию, которую мы поначалу пытались объяснить примитивными потребностями вроде утоления голода, потому что агрессия выражалась непременно в нападении на людей и попытками высосать из них кровь. Но очень быстро мы отмели эту теорию, потому что наши инфицированные были сыты! Мы переливали им кровь литрами, и в ней не было недостатка! И тем не менее, процесс заражения усугубился, создав новый симптом – агрессию.

Жена наконец догнала меня в коридоре лаборатории и протянула планшет с обеспокоенным лицом.

– Кейн, это из Бостона! – выпалила она, запыхавшись.

Я прочитал новости и посмотрел видео о том, как молодой учитель напал на собственную невесту и прокусил той шею. Все это мне уже было знакомо.

– Там тоже началось! – выдохнула она.

Я готов был зареветь. И хотя мой сдержанный вид не продемонстрировал ни единой эмоции, внутри меня бушевал огонь. Вирус распространялся. Случаи агрессивных вспышек среди людей поступали уже со всех континентов! Как такое может быть?! Глобальная пандемия происходит на моих глазах, а я даже близко к разгадке не подошел! Я осознавал, что мы отстали от вируса настолько, что уже не видим его за горизонтом.

– Власти заключили всех пострадавших в карантин, – сказала Кристина, пытаясь облегчить мою ношу.

– Ты же понимаешь, что это ничего не изменит! На десять укушенных всегда найдется тот, кто не обратится за помощью в больницы, а потом тихо впадет в кому у себя в квартире и обратится в монстра, – огрызнулся я.

Мне сейчас не до утешений!

Мы направились в карантинный блок, где содержались наши сложные пациенты. Последние два месяца мы сидим там безвылазно.

– Новые ингибиторы транскриптазы уже дали результат? – спрашивал я у Кристины.

– Да. Отрицательный, – выдохнула она.

– Этого не может быть! – остановился я на полпути и даже развернул ее за локоть, точно выпытывая у нее правду, как детектив, который нашел несоответствие. – Они должны были сработать! Мы расшифровали часть ДНК вируса и создали ингибитор на основе его собственного ДНК!

– Вирус устоял! – Кристина начинала паниковать, заражаясь моим негодованием. – Поначалу ингибитор работал, но уже через несколько часов все вернулось к прежнему состоянию, потому что вирус начинает вести себя агрессивно!

Вычленив часть ДНК-вируса, где прописана программа поражения Т-лимфоцитов (*Т-лимфоциты отвечают за активацию иммунного ответа на чужеродные антигены*), мы пытались найти способы блокировки взаимодействия вирусной клетки с клеткой-мишенью и выстроить преграды в местах соединения рецепторов клеток, чтобы нарушить работу транскрипции. На этой схеме строится антивирусная терапия ВИЧ. И теперь Кристина говорит, что испытания провалились, потому что вирус быстро изменил тактику, словно почуял подбигающие к нему шаги врага. Воистину этот вирус гениален!

– Надо попробовать еще раз! – произнес я твердо, не желая слышать возражений.

– Кейн, мы так пациентов потеряем! Мы уже убили троих!

– Кристина, там снаружи мы, итак, теряем людей тысячами!

– Это другое!

– Чем же?

– Тем, что в стенах карантина мы убиваем их собственными руками!

– А снаружи мы убиваем их своей трусостью и бездействием!

Кристина тяжело выдохнула, закрыла лицо руками и прислонилась к стене. Даже не прислонилась. Она упала на нее. Каждый раз наши споры разбиваются о невидимый барьер, который ни один из нас не желает преодолеть, чтобы понять друг друга. Кристина всегда защищала научную этику, я же уверен, что спасти людей надо любой ценой. Это не значит, что я готов жертвовать меньшинством ради большинства, но, когда обстоятельства складываются так, что человек умрет рано или поздно, я готов пренебречь этим «поздно», чтобы использовать шанс найти подсказку!

Кристина измотана. Синие круги под ее поразительно обворожительными серыми глазами и впалые щеки с выпирающими скулами мне уже кажутся привычными, а перемену я замечаю, только когда просматриваю старые фотографии на смартфоне в перерывах на кофе, заряжаясь стремлением вернуть свою прежнюю счастливую семейную жизнь. Там мы с Кристиной по утрам в университете читаем лекции по общей и молекулярной вирусологии, по биохимической и популяционной генетике, по вечерам работаем в лаборатории центра по контролю заболеваний, а дома нас ждут четыре беспородных кота, которых мы взяли из приюта. Там Кристина пышет жизнью. Настоящая же – медленно угасает. Лекции заброшены, коты под прищелком добродушной одинокой соседки, а от осознания того, что твоя прежняя жизнь осталась лишь в мегабайтах, лишь в нематериальном электронном мире, становится очень тяжело на груди, даже сердце падает вниз, словно с обрыва, словно оно потеряло смысл отбивать свой прежний ритм, предчувствуя скорое поражение. Мы теряем нашу реальность, мы проигрываем в гонке со смертью. Мы все измотаны бесконечными днями с недосыпом. Мы измучены устойчивостью вируса ко всем имеющимся у нас противовирусным препаратам. Мы вводили гормоны, иммуномодуляторы, мы делали переливания крови с новыми лимфоцитами для полной замены иммунных клеток, мы использовали самые разные комбинации препаратов, кото-

рыми лечат ВИЧ, Эболу, Денге, оспу, бешенство. Ничто не брало вирус. Дошло до того, что мы начали экспериментировать над живыми людьми, пытаясь пересадить органы и костный мозг, но вирус все равно выживал в крови и поражал новые органы! Как такое может быть? Что это вообще за порождение природы, которое невозможно обуздать? Оно будто из параллельного мира с правилами отличными от нашего!

– Посмотри вот на это, – я протянул жене папку с результатами ДНК-секвенирования зараженных пациентов.

– Генетики закончили расшифровку? – тут же поняла она.

– Нет, только еще одну часть. Но здесь важно вот это, сравни! – я указал пальцем на нужные цветные столбики.

Кристина смотрела на две разные вирусные ДНК от разных людей, инфицированных с промежутком в две недели.

– Они непохожи! – тут же поняла она.

– Именно! Вирус мутирует!

– Так быстро?! – она даже глаза выпучила на меня.

– Похоже, он видоизменяется при передаче к новому носителю.

В нашем центре уже содержалось сорок шесть пациентов – критическое количество, больше мы содержать физически не сумеем – у нас не хватает карантинных боксов. Среди зараженных у нас есть самые первые пациенты, так называемые, нулевые – участники Антарктической экспедиции. Их осталось всего шестеро. Двое умерли от болевого шока, который был вызван поэтапным отказом органов. Трое – во время экспериментальных операций. Еще двое пребывают в вынужденной коме, в которую мы ввели их из-за того же болевого шока. Остальные – пациенты, попавшие к нам после первых нападений. Они являются результатом укусов нулевых, а потом и первых, и вторых. Мы их всех держим привязанными к кроватям, потому что они впали в яростное бешенство и совершенно не осознают самих себя, как и мир вокруг. Мы взяли у них клетки для анализа ДНК, и сегодня генетики шокировали меня тем, что вирусная ДНК у нулевых пациентов отличается от ДНК последних прибывших зараженных.

– Но это же все меняет! – воскликнула Кристина. – Это же доказывает, что все, что мы делаем тут, бесполезно!

Я люблю эту женщину. Она понимает меня с полуслова.

– Нам надо копать глубже! Мы можем хоть сколько пичкать пациентов этим ассорти из препаратов, но пока мы не расшифруем чертов геном вируса, наши попытки бессмысленны! – согласился я.

И тоже прислонился к стене. Мы словно загнанные марафонцы, взявшие перерыв.

– А что с МРТ? – спросил я.

– Пусто. Нет у них опухолей в мозге. Я не понимаю, почему они свихнулись!

– А гиппокамп?

– Имеет небольшие структурные изменения, но они даже меньше, чем у больных Альцгеймером!

Потрясающий и в то же время весьма загадочный вывод: получается, что физиологически мозги зараженных абсолютно здоровы! Нет там ни опухолей, ни органических поражений. Чем еще можно объяснить внезапные вспышки агрессии, если голод их не мучает, а мозги не имеют отклонений? Почему очнувшись после комы, человек больше не идентифицировал себя?

Моя сокровищница идей уже скоблила лопатой по дну сундука, перебирая последние причины, но все больше интуиция мне подсказывала, что ответ мы найдем в оставшейся нерасшифрованной части вирусной ДНК.

– Переливания продолжаете?

– Каждый день! В том то и дело, Кейн! Не потребность в крови ими руководит! Они сыты! Но все равно пытаются напасть, укусить, цапнуть, как беднягу Майло.

Неделю назад при попытке взять анализы у одного из зараженных, наш коллега Фридрих Майло, с которым Кристина была в далеких родственных связях, был укушен зараженным в предплечье. Мы закрыли его в карантине тотчас же. Это первый случай заражения среди ученых.

– Как он, кстати?

Кристина замотала головой.

– Плохо.

И тут ее голос сорвался. Кристина заплакала и закрыла лицо руками. Я понимал ее ощущения: из бесстрастных надзирателей, следящих за процессом заражения за надежными стеклами, мы превратились в изрешеченную крепостную стену, которая вот-вот развалится в песок. Всего полгода назад вирус был так далек от нас, он был примитивен, посредственен и даже глуповат на фоне человеческой цивилизации, которая расщепляла атомы и управляла реками. А теперь...

Теперь же он вырос из котенка в голодного свирепого льва и уже начал кидаться на своего дрессировщика. Иронично. Я всегда знал, что попытки приручить природную дикость терпят крах перед глобальностью, величием и монументальностью мира. Человек не бог. Он возомнившая о себе невесть что букашка под ботинком мироздателя, который прожил в этом мире целый час, а человек – всего секунду.

Я подошел к жене и обнял ее крепко-крепко, мысленно заставляя поверить, что мы справимся. Хотя сам я тоже отчаянно нуждался в ком-то, кто заставил бы меня поверить в то же самое.

Но в следующую секунду мой и без того проблемный мир установил новый уровень кошмарности. Коридор вдруг осветился мигающим красным светом.

– Что это? – тут же очнулась Кристина.

Мы уставились на настенные лампы, заливающие коридор красным светом, создавая атмосферу нарастающей тревоги. Лампа мигала не хаотично. Она передавала сигнал тревоги из определенного исследовательского блока. Сопровождающий ламповое мигание характерный писк, повторяющийся азбукой Морзе короткий-короткий-длинный, дал ясно понять, где активировали кнопку зова на помощь.

– Это из карантинного блока! Бежим скорее! – сообразил я.

Мы поспешили в стерильный блок. Мы наизусть знаем тревожные коды, которые передают визуальные и звуковые сигналы по всему зданию, а код, обозначающий нарушение карантинных мер, здесь самый знаменитый, непопулярный и в то же время редкий.

Мы держали зараженных в отдельных прозрачных стеклянных и плексигласовых клетках три на три метра в карантинном блоке, который связывается с основным зданием центра коридором, где мы и столкнулись с Кристин. Тяжелые двери блока, казались стали весить еще больше, когда мы вдвоем пытались их открыть – паника ускоряла работу мозга, и оттого секунды стали тянуться очень долго. Мы сбежали по металлической лестнице вниз в карантинный блок, представляющий собой просторный ангар, в котором ровными рядами располагались индивидуальные герметичные боксы, в которых безумные пациенты лежали, привязанные к кроватям.

Мы пробежали несколько рядов, пытаясь разыскать источник угрозы. Сейчас здесь работало шестнадцать исследователей, которые попадались нам то тут, то там, но по их растерянным лицам было ясно, что они сами не понимали, кто активировал кнопку тревоги. Это неудивительно, потому что ангар занимает площадь около десяти тысяч метров, а между боксовыми рядами можно блуждать целый день.

Но тут вдруг прямо из-за угла перед нами на пол повалилась куча тел в белых халатах. Мы тут же бросились в ее гущу.

– Держи его!

- Вот же черт, крепкий какой!
- Хватай по рукам!
- Ноги держи!

Группа ученых пыталась совладать с выбежавшим из бокса зараженным. Посреди кучи в халатах кто-то истошно вопил. Кристина кинула мне шприц с транквилизатором, которым мы вырубаем пациентов, когда хотим взять анализы. К сожалению, он действует не больше десяти минут. Зараженные отличаются небывалой скоростью регенерации тканей, а потому наркоз на них действует недолго.

Я приблизился к куче рук-ног, нашел ногу пациента в сорочке, вогнал иглу и быстро надавил на поршень. Через несколько секунд напряжение спало, и куча в халатах начала распадаться. Оказалось, что четверо ассистентов пытались снять с пятого ассистента зараженного мужчину. Кажется, в прежней жизни он был разносчиком газет.

- Гейл! Покажи! – я тут же подбежал к раненному ассистенту.

Это был рыжеволосый молодой парень в толстых круглых очках, недавно закончивший мою же альма матер по специальности вирусология. Он был очень одаренным малым, и сейчас я, как никогда, почувствовал ярость от того, что мы теряем столько талантливых людей.

Второй. Уже второй ученый пал жертвой заразы. Мое отчаяние становилось все громче.

Гейл стонал. Еще бы! Этот мужик ему запястные кости сломал.

– Черт! Какие же сильные у них челюсти! – поразился Генри, поправляя очки после драки и осматривая изувеченную руку Гейла.

– Как он вырвался? – спросил я в свою очередь.

– Он из старого бокса. Те, что из укрепленного стекла, – ответил мой друг.

– Хочешь сказать, он разбил стену бокса?! – удивилась Кристина.

– Да. Он вырвался из ремней, вывихнув себе запястья. А потом разбил стену бокса лбом.

Генри показал на деформированные кисти зараженного и огромный синяк на голове бессознательного пациента, вокруг которого столпились переводящие дух ассистенты.

– Это невозможно! Человек не может разбить столь толстое стекло! Сил не хватит! – поразилась Кристина.

– Честно сказать, сил у них не занимать. Мы едва одолели этого вчетвером!

– Впрыск адреналина? – предположил Уилл – генетик в годах, тоже участвующий в потаповке и почувшавший неладное в резком увеличении физических сил пациента.

Я присел к зараженному и стал разглядывать его руки.

– Не похоже, – ответил я. – Посмотри, как развилась мускулатура.

Я указал на выпирающую плечелучевую мышцу, твердую двуглавую мышцу, выпуклые трицепсы. Если память мне не изменяет этот мужчина был достаточно худосочный. Когда его еще только привезли, я поразился тому, что обычно почталыоны – люди с подтянутой спортивной фигурой, ведь работа обязывает – а этот был откровенным хилаком. Сейчас же мой мозг спорил с моими воспоминаниями. Если бы этот парень не потерял рассудок, я бы подумал, что за время, проведенное здесь, он готовился стать тренером в каком-нибудь фитнес-клубе.

– Сколько крови мы им переливаем? – спросил я. Мысли уже вели меня куда-то, а интуиция подсказывала, что там меня ждет верный и очень нехороший ответ.

– По триста миллилитров три раза в неделю, – ответил Генри.

– Почему увеличили дозу?

– Эритроциты снова начали падать.

Я выпрямился. Вот и конец туннеля. Догадка, озарившая мой мозг, заставила спину пропотеть.

– Надо немедленно всех зараженных перевести в плексигласовые боксы! – произнес я.

– У нас они все заняты. Нам некуда их пихать! – возразил Уилл.

– Надо заказать новые!

– Уже заказали. Прибудут через два дня.

Я судорожно соображал.

– Хорошо. До тех пор, пока не придут боксы, прекратить переливания!

– Что?

– Почему?

– Эта процедура поддерживает их состояние! – непонимающие ассистенты перебивали друг друга.

– А еще неплохо кормит! Посмотрите! – остановил я их возмущения.

Я снова показал на валявшегося на полу зараженного мужчину без сознания. Невооруженным глазом было видно, как окрепли мышцы шеи и плеч под больничной сорочкой.

– Не адреналин делает их сильными! А ускоренный кислородный обмен! Чем больше эритроцитов – тем больше кислорода, тем сильнее мускулатура. Уровень эритроцитов начал падать, потому что вирус в буквальном смысле растит им мышцы.

– Черт подери! – Генри сообразил первым. – Что вирус пытается сделать с ними? Убить? Или превратить в убийц?

Мы озадаченно переглянулись. Очередной туннель с ответом в конце, и никто из нас не хотел в него вступать. Ассистенты взяли зараженного под руки и поволокли обратно в бокс. Надо придумать улучшенную систему креплений к кроватям, пока не придут новые боксы. Черт! Час от часу не легче! Теперь зараженные начали выпрыгивать из боксов, разбивая стекла лбами и кулаками.

Где-то глубоко в груди поселился жуткий страх, который мое сознание противилось признать. Древний страх, животный. Тот, который испытывает добыча, когда хищник несется за ней по пятам. Я огляделся и вдруг понял, что мы здесь в лаборатории окружены этими машинами для убийств, которых один-на-один одолеть не в силах. У нас здесь сорок шесть боксов: двадцать четыре из них из укрепленного стекла – хрупкого для зараженных, как оказалось, и это стекло – единственная преграда между людьми и чудовищами.

На лицах Кристины и Генри я прочитал схожие эмоции. Мы втроем представляли собой исключительную систему группового мышления, точно научились читать мысли друг друга. Кристина и Генри тоже проигрывали сценарий наперед. Но ни один из нас не желал произносить эти опасения вслух.

За нас это сделала судьба.

Резкий и внезапный звон разбитого стекла заставил нас дернуться и обратить взоры туда, откуда раздался звук побега. Нашим жутчайшим страхам суждено сбыться сегодня. Мы переглянулись с Генри. Честно сказать, наверное, благодаря тому что внутренне мы уже были готовы к подобному исходу событий, мы среагировали молниеносно.

– Хватай транквилизаторы! – крикнул он мне.

Мы тут же бросились вразнобой к ящикам со шприцами в медицинских шкафах, стоящих вдоль коридора между блоками, на ходу анализируя, из какой клетки выбралось очередное чудовище. Клетки стоят в пять рядов, но стеклянные находятся в конце зала в южной части.

– Кристина, жми вызов охраны! – приказал я, понимая, что сейчас нам пригодится тяжелое вооружение – центр охранялся силами федеральной полиции, имеющей в кобурах пистолеты.

Но не успели мы собраться, как откуда-то из южной части послышался еще один взрыв стекла. Это новая клетка взорвалась осколками, выпуская из своих недр монстра? Или же первый продолжает рушить свой дом родной, чтобы вырваться на свободу? Мы снова переглянулись, и Генри, недолго думая, вытащил целый ящик с заряженными шприцами, пихая их по карманам, как солдат – патроны.

Но дальше стало еще хуже. Где-то в заднем конце зала разбили еще один бокс.

Что за чертовщина?

На этот раз мы смотрели друг на друга с растущим ужасом в глазах, снова противясь признать ужасающий реальный факт. Но это был не предел кошмаров. В следующую секунду раздался новый стеклянный взрыв. А потом четвертый, и пятый, и шестой. Словно по рядам боксов медленно протекала звуковая волна, взрывающая один за другим.

Мы затаили дыхание, слушая эту нескончаемую и такую равномерную музыку звонких ударов, оканчивающихся легким бряцаньем осыпающихся на бетонный пол осколков, словно затихание оркестровой симфонии, которой руководил кровожадный инфицированный пациент, выбирающийся на свободу.

– Они как будто научились... как будто копируют друг друга, – прошептала Кристина.

Мое сердце замерло. Она описала абсолютно те же мысли, что посетили мою гениальную голову: забывшие речь и потерявшие самоопределение, зараженные, тем не менее, демонстрировали способность учиться, подражая друг другу. Это возможно? Значит, они еще способны мыслить аналитически?

Мне не удалось погрузиться в сокровищницу, которая снова начала сверкать идеями, выбравшимися из недр интеллекта подобно забившим из земли фонтанам в такт взорванным боксов, потому что на моих глазах Генри потянул стоящую перед ним Кристину за рукав, роняя шприцы на пол.

– Уходим отсюда. Надо звать охрану, – повторил я.

И тут раздался первый крик. Мы тут же напряглись. Спина сразу застыла, сердце впрыснуло адреналин в кровь, дыхание сбилось, а жар пробежался от ушей до пяток. Мозг же в это время судорожно соображал: в данный момент здесь находятся порядка шестнадцати ученых – наших коллег, бросить которых нам не позволила этика, ни научная, ни корпоративная. А потому мы втроем рванули на помощь, точно определив, откуда послышался первый крик жертвы пациента.

Мы бежали, казалось, целую вечность, рассекая воздух между рядами боксов, пока наконец не достигли зоны со стеклянными. Трагедия развернулась перед нашими глазами почти тотчас же: посреди последних рядов один зараженный сидел на нашем лаборанте Берни и рвал тому шею в клочья.

– Твою мать! – выругался Генри.

Толстощекий низкого роста Берни, всегда напоминавший мне султана из детского мультфильма про вора и принцессу, истошно вопя, пытался скинуть мужика, который прежде работал терапевтом и прибыл по вызову на дом на скорой помощи. По иронии судьбы на этой же скорой помощи его доставили в больницу с рваными ранами от укуса на руке. Вскоре после этого он очутился в нашем центре.

Мы в один прыжок оказались возле кровавой драки и стали стаскивать бешеного фельдшера с Берни. Мужик вцепился крепко. Берни ревел, как раненный лев, а мы продолжали тянуть фельдшера за ноги и плечи. Но, черт возьми! Сколько же в них сил! Мы рисковали тем, что оторвем фельдшера вместе с куском мясистой шеи Берни, потому что мужик и не рассматривал возможность раскрыть пасть, чтобы выпустить добычу.

– Кристин! Неси чем разжать челюсти! – крикнул я, пока вводил уже вторую дозу снотворного в ногу свирепого фельдшера.

Моя жена тотчас же побежала к шкафам с медицинскими инструментами. Как бы я ни хотел хорошенько вмазать этому пациенту, я понимал, что эффекта это не возымеет – ввиду ускоренных темпов регенерации болевой порог зараженных возрос в несколько раз.

Но тут прямо на моих глазах путь Кристины подрезал неизвестно откуда взявшийся зараженный в больничной сорочке с русыми волосами до плеч и повалил ее с ног. Все мое человеколюбие в этот момент смыло ураганом страха.

– Кристина! – завопил я.

Я вскочил, как ужаленный, забыв про истекающего кровью Берни подо мной. Мои ноги несли меня к жене, а мозги работали наперед, выстраивая ужасающие прогнозы.

Я услышал крик. Был ли он женский? Принадлежал ли моей жене? Куча рук и ног на полу не давала точно определить, навредил ли пациент Кристине.

И снова судьба решила хлестануть меня в этот день.

Да! Это кричала Кристина! Зараженный парень – продавец цветов в бывшей жизни – вцепился в плечо моей жены и рвал его из стороны в сторону, как собака – плюшевую игрушку.

Я навалился на него сверху, схватил за волосы и потянул, что есть мочи, пытаюсь оторвать от моей жены! Но вот же черт! Как крепко они вонзаются в плоть! У них ведь зубы обычные – человеческие, не предназначенные для пережевывания сырого мяса, и уж тем более у них нет широко раскрывающихся пастей хищников! Зато вирус укрепил жевательные мышцы, и теперь их челюсти обрели способность мертвой хватки! Я остервенело избивал пациента, дергал за шею, даже пытался душить, засовывал пальцы ему в рот, пытаюсь разжать зубы вручную, одновременно осознавая, что сам рискую заразиться таким образом, поранившись о его резцы. Но я себя не контролировал! Меня охватило лишь одно желание – спасти мою жену!

– Кейн! Отойди! – крикнул Генри откуда-то сзади.

Я взглянул в сторону. Мои глаза вспыхнули огоньком глубокого облегчения, несмотря на внутренний протест ученого. Я отпрыгнул.

К черту человеколюбие! Прикончи его, Генри!

В ту же секунду на спину парню упал топор.

– Давай еще! – крикнул я, осознав, что первый удар зараженный даже не почувствовал!

Генри снова замахнулся топором, который еще минуту назад последние пятьдесят лет спокойно висел себе в шкафчике рядом с пожарным шлангом, не представляя, какую роль ему придется сыграть в один ужасный день. Второй удар топора разрубил парню позвоночник, и снова – он едва ли это почувствовал. Кровь захлестала в разные стороны. Мы закрыли лица рукавами халатов, чья белизна так резко и быстро окрасилась в яркий алый цвет. Тело парня обмякло, и мы вытащили Кристину из-под мертвеца. Она рыдала, ее трясло.

– Зажми! – крикнул я, не обращая внимания на ее шок.

И только сейчас я понял, что кричу, потому что пока я пытался спасти свою жену, в карантинном блоке начался ад. Вокруг стоял такой невообразимый гам из криков людей, что поначалу я подумал, будто нахожусь где-то на ярмарке с кучей детей, визжащих на аттракци- онах. Но если бы это были дети! Пациенты, выбравшиеся из клеток, нападали на ученых по всему блоку. И я, изначально залезший в самый эпицентр ангара, уже не мог им помочь, потому что оказался в том же дерьме.

Я достал из кармана свой носовой платок, который Кристина вышила моими инициа- лами, потому что считала, что каждый джентльмен должен иметь в кармане платок для нуж- дающейся женщины, а эта метка всегда обозначит тот факт, что сам он занят. Я приложил его к кровоточащей ране на плече Кристин. Мой ученый мозг, характеризующийся высокоразви- той наблюдательностью, всегда бесил Кристину, которая, знай бы, что я разглядываю вышитые инициалы на платке, пока вокруг люди умирают мучительными смертями, точно наградила бы меня оплеухой.

– Надо уходить! – повторил я уже в третий раз.

– Смотри! Кто-то все же сумел вызвать охрану!

Генри указал пальцем на синий мигающий огонек на потолке, означающий, что военный пост, охраняющий наш объект, оповещен о чрезвычайной ситуации, разразившейся в каран- тинном блоке. У них есть целая инструкция на этот случай. Вот только вряд ли они готовились к массовому восстанию пациентов. Надеюсь, у них нет недостатка в патронах.

Я подставил плечо жене, Генри вытащил топор из спины мертвеца – за его практичность я его всегда обожал – и мы побежали к дверям, ведущим из карантинного блока в медицинский центр.

Пока мы бежали обратно, беглые взоры по сторонам рисовали нам удручающие жуткие картины с телами в белых халатах, лежащих в коридорах между боксами. Вдруг справа от нас зараженный вцепился в ногу бегущего прочь ассистента, оба тут же повалились на пол. Генри хотел подбежать, ведомый инстинктом помочь коллеге, но я резко остановил его. Мы не можем помочь всем. Нам нужна артиллерия! Пусть разберутся люди, вооруженные автоматами, потому что мы с транквилизаторами перед зараженными пациентами – как дети с леденцами.

Я старался не смотреть в коридоры между боксами, в которых творилась кровавая драма. Я и по раздающимся отовсюду крикам понимал, что здесь происходит массовая гибель выдающихся людей. Кошмар, который я наблюдал в новостных сюжетах, добрался и до моей обители. Этот факт ярче остальных подчеркивал, что зараза одерживает верх. Подчеркивал ярким красным маркером с металлическим запахом крови.

Я продолжал бежать, отвернувшись в очередной раз от жестокой кровавой сцены: сразу трое зараженных рвали зубами неподвижное тело нашей ассистентки Наташи, работающей тут всего два дня. Умерла ли она? Потеряла сознание от потери крови? От боли? А ведь у нее есть маленький сын трех лет, которого она воспитывает одна. Что случится с ним, когда его мама не вернется домой? Я выкинул эти мысли из головы. Они мешали мне выбраться отсюда невредимым.

– Главное – не выпустить их отсюда! – сказал я Генри на ходу, пытаясь отвлечься от чужих судеб и сконцентрироваться на собственной.

Я знал, что охрана выстроит пост в коридоре между блоком и центром, который зараженные пациенты не пересекут. Так было написано в инструкции. Но в ней не учитывался тот факт, что пациенты стали проявлять невероятные физические задатки, одолевая сразу пятерых человек за раз и не чувствуя ударов топора в спину.

Не успел я закончить мысль, как судьба снова свалила меня на землю. В буквальном смысле – зараженная женщина прыгнула на нас со спины и повалила на пол. Теперь я на себе испытал, как стремительно возросла их сила. Генри снова замахал топором, точно наш ангел-хранитель, кровавые брызги уже второй раз за день окропили наши халаты – из разрубленной шеи мертвой женщины кровь била фонтаном.

А тем временем в коридорах между соседними боксами ученые с истошными воплями боролись с полуголыми пациентами врукопашную, но проигрывали перед их варварской жестокостью. Пациенты превратились в неуправляемых убийц с повадками диких зверей. Они скалились, пускали слюни, даже передвигались на четырех конечностях, придавая своим прыжкам больше мощности! Нет, мы определенно недооценили вирус! Наш ум проигрывает их физической силе и свирепости!

Пациенты четко знали, куда целиться, чтобы попасть в артерии – ведь именно там текла жидкость, утоляющая их свирепость. Почему? Почему им не хватает той крови, что мы переливаем им? Чем они подвижны? Что заставляет их напасть на человека, будучи удовлетворенными во всех потребностях?

– Август, не отставай! – злобный окрик Генри, как отца, заметившего исчезнувшего из поля обозрения недотепу-сына, вернул меня в реальность. Не в ту, что кровавыми красками расписывала натюрморт перед моими глазами, а в ту, в которой лично за мной гнались лютые монстры.

Я вскочил с пола и побежал за Генри, тащившего Кристин. Но тут меня сбили с ног так внезапно и резко, что я аж сознание потерял на долю секунды, совершенно не заметив, как оказался лежащим навзничь на полу. Едва поймав свой вышибленный дух обратно и увидев

наконец своего без пяти секунд убийцу, я закричал. Кристина обернулась и тоже закричала. Генри уже хотел броситься ко мне, но тут судьба прочертила барьер между нами, словно не желала играть по нашему сценарию, у нее для каждого из нас уже был свой. И как оказалось, мой был не самый завидный.

Не успел Генри сделать и пару шагов, как путь ему перерезали еще трое подоспевших обезумевших людей. Генри уже рефлекторно замахал топором перед ними, разгоняя точно рой мух факелом. Но одолеть троих, пусть даже с топором на вооружении, оказалось сложнее. Генри попятился, а скалившиеся пациенты не желали упустить добычу.

И снова сокровищница идей тряслась от бурных фонтанов, которые били по всей ее территории разными догадками и гипотезами. Мне вдруг показалось, что они прекрасно осознают большой потенциал нападать группами, нежели по отдельности. Мы считали их полностью потерявшими понимание мира вокруг, но так ли это на самом деле? Ведь их нападения только с первого взгляда кажутся сумбурными, на самом деле в них есть логика! Они знают, куда целится, понимают смысл угрозы и осознают успех массовости. Вкупе с возросшей физической силой и быстротой, они действительно представляли собой профессиональных убийц!

И мой собственный убийца нависал надо мной, клацал окровавленными зубами, с которых тянулись красные вязкие слюни прямо мне на грудь. Я вцепился в его плечи и пытался скинуть, а в голове мысль горела яркой кровавой лампочкой в голове: он уже кого-то убил – вся его сорочка покрыта свежей кровью! Кристина права. Не голод движет ими, а нечто другое! Но что? Глаза его пустые, в них горит яркий голубой огонь меняющегося цвета глаз.

Мне не одолеть моего убийцу, которого я сам же кормил кровью, пока он растил себе мышцы. Я зарыдал, мыслями возвращаясь к моей красавице-жене Кристине, которую сейчас защищал Генри, продолжая пятиться по ступеням назад, не пропуская тварей дальше себя. Он разрубил топором голову одного пациента, прошелся по грудиному второму, который лишь еще больше озверел от сопротивления добычи. Но третий безумец уже оказался умнее, и как только Генри замахнулся на него, тот вцепился в топор руками, перехватил его и резко вырвал из рук Генри. И снова я поразился тому, как ясно у них вдруг заработал интеллект во время охоты!

Мой скорый убийца продолжал ломать мои руки, они онемели, как если бы я тягал чересчур тяжелую штангу, которая все больше провисает под силой гравитации, которой я больше не мог сопротивляться. Мои попытки убежать от тварей вдруг показались глупыми и смехотворными, как противостояние человека и цунами.

Меня сегодня убьют.

А перед лестницей, ведущей к выходу из карантинного блока, уже собралось порядка семерых пациентов, прыжками настигающих ученых, охваченных ужасом сыграть роль добычи.

Последняя секунда, в которой мой взгляд встретился со взглядом Генри, врезалась мне в память навсегда. В эту секунду я признал, что прощаю его за то, что он бросает меня. А он поклялся мне в том, что отныне будет защищать Кристину до конца жизни.

– Уводи ее! – закричал я, когда увидел, что Кристина сбегает по лестнице обратно, осознав, что я безвозвратно отстал.

Генри без топора с жалким шприцем в руках в последний раз оценил обстановку вокруг, взглянул на меня с нескрываемым отчаянием, а потом резко пнул пациента, что отобрал топор, да пнул так сильно, что тот слетел с лестницы кубарем и свалил с ног карабкающихся по лестнице собратьев. А потом Генри схватил Кристину и потащил ее к выходу.

– Нет! Там Август! Нет! Вернись! Август! – рыдала моя жена где-то в гуще выживших белых халатов, экстренно покидающих карантинный блок.

Но спасибо Генри, что тащил ее насильно прочь из этого ада, развернувшегося по моей вине. Я не справился, я подвел всех. Моя заносчивость успешного исследователя-вирусолога сыграла со мной злую шутку, потому что я возомнил себя достаточно смыслённым, чтобы побо-

роть столь продуманное произведение природы. Я проиграл в этой борьбе, потому что нам еще так далеко до роли богов!

Моя реальность продолжалась последние пару минут. Я почувствовал, как на меня навалились целой толпой. Я лягался, брыкался, бил кулаками, не целясь, извивался, что есть силы, прямо, как енот на пушной ферме, который знает, что сейчас его подвешат на крюк и освежают заживо. Но меня схватили сразу несколько рук, я даже не сумел сосчитать их всех, только чувствовал, как мой халат, и рубашку, и брюки начинают терзать на части. Я почувствовал, как зараженный попытался прокусить мой халат, но у него не получилось, тогда он впился в мое белоснежное предплечье, торчавшее из-под рукава. Я заорал от дикой боли, с ужасом осознавая, что он разжевывает мою плоть, пока она еще живая. В эту же секунду его собрат оторвал другой рукав халата, слышались рвущиеся швы рубашки, а потом зубы вонзились мне в плечо. Я заорал еще громче, не зная, куда деваться от этой зверской боли, которая поднялась комом в глотке! Стало трудно дышать, меня бросило в жар, крик помогал мозгу справиться с болевым шоком. А потом третий сел мне на хребет и вонзился зубами в шею. Я уже просто выл, смирившись со своей участью и моля Бога забрать мою жизнь поскорее, не в силах больше терпеть эти адские мучения, когда тело рвали в клочья, а страх заставлял сердце биться в истерике: пожалуйста, прикончите меня поскорее!

В какой-то момент я начал отключаться. Мне даже показалось, что я чувствовал, как сосуды опустошались и сужались, как трубочка, скребущая по дну стакана с оставшимися каплями лимонада. Чавкающие звуки прямо под ухом обозначали пир моей плотью, в это верилось с трудом. Кровопийцы продолжали глубже впиваться в мое тело, смыкая челюсти, словно чувствуя назревающее истощение ресурса. Я пару раз взвыл от вонзающихся еще глубже резцов, мое дыхание стало сбивчивым, я сипел, как собака, измученная жаждой, и все молил Бога, в которого не верил, поскорее меня убить.

Болевой шок исправно выполнял свою функцию, а кровопотеря ускоряла его эффект. Вскоре где-то посередине между жизнью и смертью я понял, что их болезненные укусы несравнимы с болью от потерянной чести в проигранной борьбе, которая засверкала так ярко в том срединном мире, куда меня уносило.

Последний кадр впечатался в роговицу моих глаз, как и в память, навсегда, словно последние секунды человеческого мира перед неминуемым апокалипсисом: зараженные сбили с ног первых появившихся в коридоре охранников, отстреливающих взбесившихся пациентов направо и налево, и уже свободно прокладывали себе путь по человеческим телам, распластанным по лестнице, ведущей в центр.

В следующую секунду я умер.

Глава 2. Всякая боль пройдет

22 декабря 2071 года 09:00

Калёб

Сегодня в столовой за завтраком необычайно тихо. Я даже слышу, как в глотках ребят происходит сражение с застревающей сухой безвкусной кашей. Никто не разговаривает, не шутит, не смеется. Изредка слышатся переговоры шепотом, но нарушить траурное молчание не смеет никто. Даже сержанты. Даже командиры.

Черт...

Я стал командиром. Так внезапно, так неожиданно, так жестоко.

Не стану врать, иногда я задумывался над тем, что однажды придет тот день, когда я стану командиром по принципу наследования звания. Потеря предшественника часто становилась причиной внезапного повышения. Но я не желал верить в то, что со мной произойдет подобное. Я верил, что мой командир бесстрашна неуязвима и вечна.

Мой командир. Моя Тесса.

Она погибла от рук кровожадного врага, он вгрызся в шею, разорвал артерию в клочья, лишь бы насытить свой безмерный живот, чтобы продолжить кровавое шествие по земле.

Не могу сдержаться. Слезы накачивают сами собой, мне сложно их контролировать, когда я вспоминаю ее последний взгляд. Столько боли в нем. Столько просьбы не бросать ее. А может, спустя день я уже сам надумал себе эти детали. Воспоминание – это ж такая вещь, его легко изменить, потому что ему нет доказательств. Воспоминания эфемерны и призрачны. Можешь даже динозавра туда впихнуть и спустя время при должном усилии поверишь в реальность этих фантазий.

Нет. Тесса не просила ей помочь. Это же Тесса. Стальная Стерва. Ей никогда ничья помощь не требовалась, она сама спешила ко всем на помощь. И скорее всего, ее молящие глаза – результат моего воображения или скорее желания поверить в то, что она нуждалась во мне.

Черт! Черт! Черт!

Зачем я думаю об этом? Слезы снова обжигают глаза. Я судорожно сглатываю их, чтобы не дай бог продемонстрировать моему отряду мою слабость.

Мой отряд. Я командир.

До сих пор в голове не укладывается.

Все произошло так быстро и как-то нелепо, будто меня простым уборщиком назначили: вручили швабру с ведром и пинком выгнали в коридор работать. Вот таким было мое торжественное повышение в звании. И все то время, что Триггер приговаривал меня к вечным мукам в должности командира, я не переставал думать о Тессе. Я до сих пор не могу смириться с тем, что ее больше нет.

Это дурной сон. Это другая вселенная. Это не моя жизнь.

Все это я хочу сказать самому себе, выкрикнуть в мир вокруг, чтобы меня услышал сам бог и вернул все назад, осознав, что ошибся, что оплошал, что скормил тварям не того человека! Но время идет, а ничего не меняется, и боль в груди превратилась в огромную бездонную яму, которую я стараюсь засыпать глупыми мыслями и заботами о Маяке. Чем больше, тем лучше, как земля над могилой. Рутинные хлопоты необходимы, чтобы отвлечься, чтобы дать самому себе время на исцеление. Они должны заставить забыть Тесс, иначе рана никогда не затянется, и могила так и будет выть голосами неуспокоенных призраков. По иронии гребанной судьбы мне необходимо предать Тесс, чтобы выжить.

Но тут же мои намерения разбиваются о бетонную стену в тупике: я не могу сделать вид, что Тесс никогда не существовало, она составляла слишком важную часть моей жизни.

– Калёб, поешь, – шепчет мне рядом сидящая Бриджит.

Я вдруг пришел в себя и понял, что уже пятнадцать минут сижу за столом, не шелохнувшись.

Бриджит молодец. Без нее я бы не справился со всем навалившимся на меня бременем. И сейчас она не столько беспокоится о моем аппетите, сколько о том впечатлении, что я произвожу на моих бойцов. Разумеется, они понимают, что потеря командира для меня боль. Но у нее должны быть рамки, у траура должен быть лимит. Такова судьба командирская. Я всегда должен оставаться сильным и непоколебимым, или хотя бы притворяться таковым. Потому что я – символ их надежды, пример бесстрашного бойца, вставшего на защиту обездоленных и невинных. Как я могу быть таковым, если сижу тут и сопли пускаю? Я не только свой имидж порчу, таким поведением я посрамляю сам смысл командирских погонов – отвага и неустранимость даже перед самыми болезненными и чудовищными ударами судьбы. Командирские погоны должны заставлять людей поверить в то, что все преодолимо, всякая боль излечима, все пройдет.

И это тоже пройдет (*прим.автора: притча о кольце Соломона*).

Я беру ложку и начинаю хлебать протеиновую кашу. Я не чувствую ее вкуса, консистенции, запаха. Я просто ем, чтобы показать своим бойцам, что жизнь продолжается, как будто ничего не изменилось, как будто у нас по-прежнему есть цель, а надежда сверкает былым ярким светом.

Бриджит одобрительно сжимает мое бедро под столом и продолжает хлебать кашу с маской невозмутимости. Спасибо, Бридж, ты нужна мне сейчас, чтобы сохранить лицо. И снова ирония. Вчера, когда ее забила истерика, я думал, что это она нуждается во мне. Но потом мы напились у нашего главного повара Горе-Федора, поплакались, выпустили боль наружу, и Бридж словно обрела второе дыхание. А я же свое потерял.

Наступил новый день, страсти улеглись, и пришло осознание произошедшего по-новому. Более глубокое, интимное, мучительное и безысходное. Ничего не вернуть. Эта невыносимая боль потери такая мрачная, глубокая, пустая и вечная – теперь мой верный спутник, как боевой шрам.

Я чувствую на себе взгляды бойцов. Они разные. Есть там и сочувствующие – от тех, кто потерял в деревне своих солдат и друзей, есть оценивающие – от тех, кто пытается раскусить мои слабости, а есть и откровенно злорадствующие. Отныне моя жизнь – арена с гладиаторами. И как же хочется, чтобы меня поскорее сменил следующий командир.

За соседними рядами столов я замечаю, как остальные командиры изредка бросают на меня обеспокоенные взгляды. Именно обеспокоенные. Я не знаю, о чем они думают. Может, просто сочувствуют. Может, боятся за мое душевное равновесие и как оно скажется на будущих вылазках. Может, думают, что я не справлюсь. Мне, честно говоря, наплевать сейчас на всех. Я даже не понимаю, что я тут делаю.

Через ряды столов я вижу отряд Тесла и их командира Антенну – мускулистый негр с белесыми фигурами Лихтенберга по всему телу и голове, которые он получил после контакта с мощным электрическим разрядом. Его прежняя величественная осанка бесстрашного бойца теперь поникла, и он, также, как и я, не может похвастать аппетитом, ковыряя кашу ложкой, просто чтобы показать, что он все еще жив. В деревне он потерял Перуна – своего первого сержанта.

Командир Васаби – Фунчоза – с копной вермишели на голове и ярким черным иероглифом посреди лба сидит за соседним столом и странным образом молчит уже целый день. Может, пока не придумал, каким образом донимать меня, ведь с Тесс его шуточки были однообразны и отточены до безупречности, а оттого предсказуемы.

Ляжка – командир Бесов – сегодня вообще не вышла на завтрак, переложив обязанности на Лосяша и Легавого, откровенно наплевав на то, что о ней подумают солдаты.

Наш праведный филиппинец Буддист – командир Бодхи – лучше всех играет роль человека, который философски относится к потерям, как к естественному явлению в человеческой жизни. Вот только когда он смотрит на меня, я вижу печаль в его черных глазах. Бесконечная скорбь поразила тлей даже его искусственное сердце. Интересно, аритмия может возникнуть в титановых пластинах? Может, у Буддиста и нет человеческого сердца, но душа осталась. Бродит где-то запертая в теле и воет от нескончаемого кровавого кошмара длиною в целую жизнь. Мне даже кажется, что я ее слышу.

Сзади раздалась гулкие шаги, отстукивающие ровную солдатскую поступь в унисон. Она слышится издали, как будто из потустороннего мира где-то за плотной незримой пеленой, где жизнь продолжает свою монотонную течь, пока я застрял в моменте утраты.

– Товарищ, командир!

Голос прозвучал из-за спины. Я обернулся. Как обернулись и рядом сидящие, включая Жижу. Уж слишком хорошо мы знаем эти голоса. Перед нами стояли майор Корвин и майор Щерба – первые помощники полковника Триггера.

Корвин – высокий мускулистый выходец из Сербии с черными коротко выбритыми волосами и густыми бровями. Мы с ним ладим, поскольку оба являемся обладателями бионических конечностей: у меня механическая рука до локтя, у него механическая нога до колена. Такие изъяны сближают людей, потому что мы понимаем, через что прошел каждый прежде, чем был записан в военный отряд. Процесс установки бионической конечности болезненный и долгий. Настройка автоматики требует тщательного анализа расположения нервных окончаний в живой конечности. Дальше следуют месяцы тренировки, когда поначалу смеешься над неспособностью удержать стакан или сделать шаг, а потом злишься на собственную немощь.

Людам кажется, что мы привыкли к искусственным конечностям, но на самом деле к ним привыкнуть невозможно, потому что они несовершенны. Всего доля секунды в задержке, невидимая для ученых, замеряющих скорость реакции на команду, но видимая для твоего мозга, который зафиксировал миллисекундное опоздание указательного пальца нажать на курок. Фантомное осознание конечности до сих пор терзает мозг неуверенностью в работе фальшивки. Не все умудряются овладеть механической рукой или ногой настолько, чтобы стать солдатом. Мы пробили свой путь через тернии к звездам, используя всю силу воли, что имели.

Корвин – бывший Бес. Он восемь лет отслужил среди Падальщиков, пока Триггер его не повысил. Это сближает нас с ним еще больше.

Щерба ниже товарища на голову, у него вытянутое лицо и орлиный нос, а на макушке головы появляется проплешина, которая бесит меня. Как и его чрезмерная потливость, из-за которой у него под носом всегда капли, а под кителем смрад вони, что очень точно подчеркивает отвратительность его личности. Щерба вечный стукач и просто гнида. Эдакая презренная всеми шестерка, которая всегда найдет теплое место подле правителя. Мы его не терпим всеми отрядами, и он это знает. Но ему абсолютно наплевать на наше мнение до тех пор, пока Триггер у руля. Щерба никогда не был на поверхности, он канализационный червь, паразитирующий на лидерах. Однако, это не мешает ему верить в то, что он лучше Падальщиков знает, как нам выполнять нашу работу.

– Полковник Триггер вызывает, – произнес Щерба своим сиплым голосом.

Его непопулярность среди Падальщиков не мешает ему оглядеть всех рядом сидящих бойцов презренным взглядом, словно его заставили снизить до дерьмостока.

Хотел бы я разозлиться на его присутствие и вонь, да вот только его слова заставили мое сердце остановиться. Ожидание этой фразы превратилось в медленное отрывание заусенца. Наконец кожа содрана, и красная мякоть ноет и мерзко пощипывает, ожидая болезненного прижигания спиртом.

Я медленно встал из-за стола, поймал обеспокоенный взгляд Бриджит. Он словно испытывал меня на готовность, мол, помни, что надо сказать. Я легонько кивнул.

– После завтрака веди всех в симуляторный зал. Раздели на группы, отрабатывайте упражнения, – отдал я приказ. Хотя это не приказ вовсе, а его имитация в попытке занять думы Бридж чем-то кроме нашей болезненной потери и беспокойства за меня, пока я впервые буду в кабинете с Триггером один-на-один.

А потом я последовал за майорами, ловя взгляды остальных солдат из спецотрядов. Предполагаю, что они предвкушают: теперь, когда его любимица сгинула в пучину смерти, на ее место должна быть посажена замена, а значит и все вытекающие из этой роли секреты и заговоры ложатся на нового козла отпущения. Бьюсь об заклад, Фунчоза уже мозги себе вскипятит придумыванием подколов в мой адрес. Но черта с два я позволю кому-либо срамить Маяк грязными слухами. Тесса не позволяла им выйти за черту перешептываний под одеялами, и я приложу все свои усилия, чтобы она гордилась мной. Пусть и на том свете.

Визит к Триггеру был неизбежен. Но я к нему подготовился. И сейчас, следуя за спинами его помощников вдоль бетонных коридоров Желявы, где красные глаза базы следили за мной, словно пытались прочесть мои мысли, я судорожно вспоминал все возможные заготовки ответов, что мы придумывали с Бриджит накануне. Черт, я командир меньше двенадцати часов, а уже поседел в трусах из-за всей этой проблемы с мятежниками, которых отслеживает Генералитет. На последней вылазке Падальщики умудрились взбунтоваться прямо при радиообмене, все равно что стоять перед Генералом и показывать ему задницу. Если бы наш мятеж не превратился в атаку зараженных, мы бы уже сидели и гнили в тюрьме.

Плотность населения военного блока превосходит все остальные вместе взятые, ведь больше половины жителей базы – солдаты. Именно сюда поступит шестьдесят процентов детей после общей школьной подготовки длительностью четыре года. Далее дети проходят профильный отбор и учатся еще пять лет на специализированных курсах: научные, военные, инженерные и аграрные. Но как обычно это бывает школа никогда не подготовит тебя к реальному жизненному дерьму. Моего командира сожрали монстроподобные твари, а на самой базе зреет революция, зачинщиков которых Генералитет разве что рентгеном не ищет. И сейчас я иду на экзекуцию к Триггеру, который пытается понять, а верного ли протеже себе избрал, а состою ли я в его кружке или же принадлежу оппозиции. Если он захочет проверить меня на полиграфе, мне придет конец.

Я себя в таком дерьме не чувствовал даже в тот момент, когда новобранцем реальное дерьмо с сортиров счищал. Я прошел длинный путь от дряяния стальных унитазов до управления целым спецотрядом. Когда-то давно Полковник казался недостижимым богом, слышимым лишь мельком, как из-за двери, ведущей в запретный мир. Сейчас же Полковник превратился в существо из плоти и крови с полномочиями изрешетить мою грудь, если ему так захочется.

Вот чему надо учить детей в школах – несправедливости по жизни.

Военный блок имеет сложное организационное строение с усиленной системой пропускного режима. Жителям других трех блоков запрещено здесь находиться, прямо как во времена Хроник, когда место военной службы располагалось вдали от праздной жизни мирян с намеренным умыслом заточения людей, которые изоляцию от социума превращали в ярость и самодисциплину. Сегодня достичь того же уровня обособленности невозможно в силу ограниченности пространства, поэтому солдаты могут свободно разгуливать по всей Желяве в свободные часы по разрешению вышестоящего лица.

Ярые революционеры типа Фиделя Гарро и Маркуса Лебовски резко возражают против подобной дискриминации и рвутся открыть ворота военного блока для взаимного свободного посещения всеми жителями, мол, взаимная интеграция блоков будет справедливой и честной, вдруг мы тут ядерную бомбу прячем. Пусть даже редко какой житель захочет сунуться в место, набитое накачанными и зачастую неуравновешенными бойцами. Мне кажется, в погоне за равенством оппозиционеры сами не осознают, чего просят.

Честно говоря, я уже запутался, на чьей я стороне – обе такие нелепые требования предъявляют порой. Неудивительно, что мы все вымерли там на поверхности, когда столкнулись с угрозой всему человечеству. Мы просто не были готовы к бою с природным злом из-за наших чересчур запутанных законов и противоречивых нравственных ориентиров: в одном государстве разрешено зачистить целый населенный пункт вместе с жителями ради истребления заразы, в другом резко возражают, махая Женевской конвенцией в руках; в одной стране готовы нажать на заветную кнопочку в чемоданчике, в другой яро критикуют чрезмерную меру, когда остальные еще не испробованы. Итог? Все дружно вымираем, изгнанные под землю, продолжая делить и последние предоставленные для жизни гектары.

Буддист прав, мы как были тупоголовыми, такими же и остались. Жизнь нас вообще ничему не учит.

Военный блок имеет три уровня допуска, Зоны обозначаются буквами авиационного алфавита в честь бывшего авиационного прошлого базы.

Зона Альфа занимает самую обширную территорию, Големы, Назгулы и Падальщики живут здесь. Здесь же наши гигантские казармы, столовые, симуляторные и тренажерные залы, а также контрольно-оперативные центры.

Зона Bravo – место, где находятся штабы подразделений. Щерба с Корвином как раз туда и ведут меня сейчас. Попасть в Зону Bravo могут только майоры и Полковники, у командиров единоразовый допуск появляется лишь с разрешения вышестоящего. Ворота в Зону Bravo охраняются усиленным кордоном бойцов Крайслера. Порядка двадцати человек ежесекундно блюдут вход в Bravo, половина расхаживает возле ворот туда-сюда, вторая половина сидит за укрепленным фортификационным заграждением – группа прицельного обстрела. Все бойцы как на подбор – копия Крайслера: двухметровые амбалы с перекаченными мышцами и атрофированными мозгами.

Ну а сердцевина военного блока – генеральский отсек, где под усиленной охраной проживает наш домоуправитель, как его называет Бриджит. Я никогда не был там. Даже Тесса не была. Доступ туда настолько серьезно защищен, что даже тараканы щели не найдут. Да, Генерал сильно обеспокоен собственной безопасностью. К его несчастью, в сердцах народа это не находит ни отклик, ни намек на понимание.

Мы подошли к воротам в Зону Bravo – это стальная четырехконтурная защитная дверь два на два метра с бетонированным наружным контуром и мощной четырёхсторонней системой запираения. Таковую никогда не взломаешь, ни с петель не сорвешь – штыри уходят в арматурные укрепления в стенах.

Два десятка Големов с Калашниковыми через плечо окидывают меня подозрительными взглядами с ног до головы. Я же в ответ рассматриваю их боевую экипировку: бронежилет, шлем, Глок в кобуре и автомат наперевес – редкое исключение для отрядов внутренней безопасности, которых экипируют лишь дубинками и совсем изредка электрошокерами. В условиях подземной жизни здоровье населения стало как у кроликов, которых инфаркт хватает еще в когтях хищной птицы. Иногда мне кажется, что очень скоро люди начнут помирать лишь от одного озлобленного взгляда на них или от чересчур сильного чиха. Големам разрешено применять шокеры только в крайних случаях, когда риск убийства нарушителя оправдывается его чрезмерным девиантным поведением. В остальных случаях стандартная тактика «заломить и обезвредить» работает, как часы – я и одного Голема-то не одолею, что уж тут говорить, когда их целый отряд.

Я стою позади майоров и нервно выстукиваю пальцами по бедру ритм идиотской песни из мультфильма «Покемон», которая засела в моем мозгу, как тончайшая заноза, потому что Фунчоза задрал смотреть сей японский шедевр на всю громкость жилого отсека Падальщиков.

Големы в характерной зеленой униформе отрядов внутренней безопасности со значком щита на груди продолжают сверлить меня ненавистными взглядами, как если бы моя отличная

от их цвета черная униформа со значком креста Анх одним своим присутствием оскорбляла честь подземных бойцов. Падальщики с Големами не дружат. Мы и с Назгулами, разгуливающими в синей униформе со значком глаза на груди, не особо хороводимся. Элитные войска как раздражающий носоглотку токсин для самолюбия солдат. Я могу просто стоять по стойке мирно, а они все равно будут обвинять меня в бахвальстве и самолюбовании.

Майоры активируют пульт открытия дверей, вводят восьмизначный цифровой код и прикладывают ключ-карту к считывателю, а в моей голове писклявый голос Фунчозы напевает:

«Покемон! Мы сможем все, ты и я! Весь мир спасенья ждет!»

Ворота дружно щелкают штырями.

«Покемон! Оу! Приятель мой, мы вступаем в ратный бой», – пальцы стучат по бедру.

Тяжелая массивная дверь скрипит, раскрывая мне нутро Зоны Bravo.

«ПОКЕМОН!», – орет засевший в мозгу Фунчоза.

Да заткнись ты, черт бы тебя побрал! Я сжимаю кулаки, чтобы совладать с паникой и перестать поощрять мой мозг насиловать мою же собственную нервную систему сумасшедшей песней. Мои нервы конкретно на пределе!

Я не впервые в зоне Bravo. Так как Тесса была любимицей Триггера, она часто посещала эту обитель по его приглашению, ну а я был ее вечной тенью. В последний месяц визиты сюда совершались чаще обычного. Тесса говорила, что причиной тому – выговоры, я ей верил.

Зона Bravo встречает тебя угрозами с порога: просторный холл с высокими потолками, ранее служивший стоянкой для советских сверхзвуковых истребителей МиГ, сегодня превратился в самый надежно защищенный форпост Желявы. Порядка трех десятков баррикад испещряют территорию, за каждой дежурят по три-пять солдат, нигде больше не встретишь такое сосредоточие солдат на один квадратный метр, как в холле, охраняющем главный вход в Зону Bravo. Баррикады сделаны из разного материала: мешки с песком или посты, укрепленные бронированными листами стали. И вот мне всегда было интересно, для кого возводились эти прочные метровые стены, если зараженных они ни в жизнь не остановят. Ответ очевиден: баррикады служат защитой от людей.

В Зоне Bravo располагаются казармы Полковников и майоров, личные штабы всех трех отрядов базы, центры наблюдения, ненавистный Отдел пропаганды. Мы проходим мимо рядов с оборонительными преградами, за которыми стоят еще одни раздраженные моим присутствием Големы, они разве что не плевались в мою сторону. Причем Щерба и Корвин такой неприязни не вызывали, майорские нашивки спасали от потенциального соперничества, ведь они нас аж на целую голову выше. Одолев холл, набитый высококонцентрированной мускулистой биомассой с постоянно возбужденной от адреналина кровью в венах, мы прошагали внутрь центрального коридора и брели еще около пяти минут, пока перед глазами не выросла металлическая дверь кабинета Триггера, возле которой я провел последние четыре года в ожидании Тесс. Теперь же настала моя очередь зайти внутрь.

Корвин открыл передо мной дверь, как галантный одноногий кавалер своей утонченной однорукой миледи, я прошел внутрь.

Триггер сидел за столом и ждал меня. Его зеленые глаза приковали меня к месту в ту самую секунду, как мы встретились взглядами. Выглядел он помятым, как будто всю ночь провел на карауле: красные глаза, взъерошенный седой ежик на макушке, характерный глубокий шрам на щеке, уходящий под футболку, приобрел еще более синие оттенки, да и само лицо словно морщин прибавило. Он махнул мне рукой, не желая тратить на меня драгоценные звуки его важных речей, и я прошел ближе.

Я никогда прежде не был в его кабинете и теперь с едва заметным интересом оглядывал его вотчину. Здесь все достаточно аскетично. Триггер душой и телом принадлежит службе, а потому не любитель излишеств, предпочитая практичную мебель и отсутствие бесполезных деталей: неизменный стакан с водой перед Полковником – единственное на базе средство от

изжоги, металлический стол с компьютером, три черных потрепанных кресла, стальные этажерки с книгами, которые уже лет двадцать никто не открывал, пожелтевшая карта Евразии сорокалетней давности висит на стене под стеклом – больше, как экспонат и дань уважения прошлому, тусклая лампа на потолке дополняла атмосферу кабинета удрученностью и тоской. Но это уныние и серость шли Триггеру, как символу постапокалиптической жизни, которую судьба ему назначила под руководство. Хотел он этого или нет значения не имеет: он солдат, а мы уже забыли смысл слова «хотеть», у нас свет во тьме и ориентир – приказ.

Своей простотой Триггер снова напомнил мне Тесс. Она тоже жила, как монах. Когда мы зашли в ее комнату, то кроме четырех комплектов сменной одежды мы не нашли больше ничего, что принадлежало бы ей. Ее словно там вообще никогда не было. Уже ближе к отбою мы поняли, что не можем остаться там на ночь, а потому ушли спать к Горе-Федору. Честно признаться, мне и этой ночью не хочется возвращаться в ее комнату, что перешла мне в наследство. Как и визиты к Триггеру.

Молчание тянулось уже вторую минуту, наверное, Триггер позволял мне свыкнуться с новой ролью – отныне быть шептальщиком в его кабинете. Вдруг я заметил, что впервые в неизменном стакане Триггера, который он чуть ли не на шее у себя таскает из-за нескончаемой изжоги, блестит не вода, а янтарная жидкость. Наконец я понял, что нагоняло в это место еще больше печали и тревог – запах перегара был ненавязчив, но легко ощутим, если подумаешь о нем. И я был благодарен Триггеру за это, потому что сам опохмеляюсь после траурного алкогольного заплыва прошлым вечером. Уверен, ребята чуяли мой аромат депрессии, но то ли трепет перед командирскими нашивками, то ли обычное человеческое сострадание останавливало их от написания рапорта.

В то же время я был удивлен подобным поведением Триггера, ведь он всегда казался мне скалой. Что именно так расстроило Триггера, что он даже решил истратить редкую бутылку коньяка времен Хроник, стоимость которой сегодня равняется человеческой жизни? Он пил всю ночь и не смог остановиться, даже когда обязанности звали его, и теперь пойман, как преступник возле жертвы, который и не стремится удрать с места преступления. И это чувство мне знакомо.

Черт, я видел в Триггере себя.

Триггер признавал свою слабость прямо передо мной. Он признавал существование чего-то, что сильнее его воли. И что же это? Горечь по тебе, Тесс? Мне с трудом в это верится! Нет, даже не так. Я не хочу в это верить! Но подсознание продолжало строить логические мосты к правде, используя факты, как Дамокловы мечи: Падальщиков он за свою службу потерял сотни, и только эта вылазка вышибла из него дух. Не двадцать солдат, погибших в деревне, он оплакивал. Там умер кто-то очень дорогой ему, кто-то особенный, кто-то способный выдержать целое желание жить из бьющегося сердца.

Как ты выдернула его из меня. Ведь это была ты, Тесс.

Он плачет по тебе...

– Сегодня вечером будет организована церемония прощания с нашими погибшими товарищами, — Триггер прервал мое растущее негодование.

Я сжал кулаки, чтобы сдержать гнев на Полковника, как если бы мы готовились сойти в схватке из-за женщины, точно соперничающие самцы. Открывшийся мне факт резким раздражающим светом прожектора пытался выжечь клеймо ревности у меня на душе.

– Мы потеряли двадцать бойцов, будет проведена минута молчания. Представляешь? – ухмыльнулся Триггер как-то печально. – Мы им подарим целую минуту взамен тех лет службы полных суровых испытаний, которые они подарили нам. Целую минуту взамен той болезненной смерти, что они вытерпели ради нашего процветания. Я всегда удивлялся человеческому цинизму. Кто вообще придумал оценивать смерть «минутами молчания»? А сколько минут будет стоить моя смерть? А твоя? А Генерала?

Триггер замолк. Я не понимал, задал ли он мне вопрос или же вопрос риторический.

– Была бы моя воля, я бы растянул молчание на месяцы! Я бы подарил нашим ребятам собственные годы, лишь бы оставить их в живых. Такие молодые, боевые, смелые, неотступные. А я сижу тут, своей старой вонючей задницей стул протираю. Для чего?

Триггер поднял на меня красные глаза. Он был чуть ли не сломлен. И снова я понял его состояние. В моменты наивысшей депрессии автоматически вспоминается все дерьмо твоей жизни: все падения, проигрыши, неудачи, провалы. Они собираются в огромный ком, который все больше давит на тебя, пригибает, ломает, словно сама природа хочет растолочь тебя в порошок.

Наверное, смерть Тесс заставила Триггера вспомнить всех потерянных солдат, которых он взрастил и воспитал; своего сына Марка, который погиб во время прорыва в шестьдесят третьем; свою жену, про которую нам ничего неизвестно; может, он даже вспомнил своего усыпленного кота в детстве. Все эти смерти и лишения опускают на самое дно, которое мы подсознательно боимся, потому что там покоится обволакивающая и утешающая мысль о том, что все мы смертны и все окажемся на месте Марка, Люции и Пушистика, которые ждут тебя на другом конце, чтобы вместе войти в райские врата. Так оно начинается – так смерть затаскивает тебя на свою сторону, предлагая суицид в обмен на торжественное воссоединение семьи. И чем слабее воля к жизни, тем скорее начинаешь задаваться вопросом «А зачем ждать?»

И опять же. Все это мне знакомо. Я только этим утром выкарабкался из губительной ямы, вой которой продолжает преследовать меня, точно призрак. И здесь в тусклом унынии серого кабинета с плачущим Полковником, запахом перегара, горькими воспоминаниями гребаный вой из ямы слышится громче.

Смерть Тессы подкосила Триггера так, что он рухнул на самое дно, эхо его падения резонировало по моим нервным окончаниям, как по гитарным струнам, вызывая к ревности.

Черт бы тебя побрал, Тесс! Неужели между вами что-то было?

Мне хотелось подскочить к Триггеру и затрясти его за шиворот, чтобы выбить ответ. Но вместо этого, оставив ревностные фантазии параллельному миру, я отчеканил с руками по швам:

– Вы свое отслужили, сэр!

На что Триггер усмехнулся.

– Всегда выдрессированный и всегда знаешь, как правильно ответить.

А потом он опустошил стакан в один глоток и тяжело выдохнул. Честно сказать, я не знал, как вести себя в подобной ситуации. Я никогда за этими дверями-то не был. Триггер передо мной всегда выступал в образе хладнокровного мудреца, который знает ответы на все мои вопросы. А сейчас он сидит здесь, как самый настоящий старикан, сломленный жизненными перипетиями, напивающийся коньяком и жалующийся на правительство, молодежь и евреев. Я больше не видел в нем бога.

Генерал остался единственным человеком на всем белом свете, который еще тянул на авторитетное лицо в моем стремительно меняющемся мировоззрении новоиспеченного командира отряда специального назначения. А что будет дальше? Я превращусь в копию вечно задумчивой Тесс, которая никогда не посещала празднования, вечеринки и просто дружеские скопища, а всегда сидела за планшетом, ища истины в мертвых книгах и забытых исследованиях по вирусу, пока остальные придумывали небылицы, объясняющие ее странное отчужденное поведение? Эх, Тесс, мои нынешние мозги мне бы в те времена, когда ты еще стояла рядом, я бы твои странности по-другому воспринимал. Они бы странностями не казались, мы бы стали двумя угрюмыми солдафонами, отчаянно пытающиеся найти смысл жизни посреди конца света.

Вот почему ты как будто была с нами и в то же время вне нашего мира. Триггер не дал тебе ответов, как и весь наш маленький подземный мир. Ты знала больше, чем все остальные

Падальщики, чем все остальные солдаты и жители Желявы. Ты знала, что у нас нет спасителей, некому нас вытащить отсюда, некому нам помочь. Ты искала способы спасти нас в одиночку. Ты была одна против целого мира. И даже я тебя не поддержал.

Я снова задавил ком рыданий в горле. Прошло меньше двенадцати часов с моего назначения командиром Маяка, а я успел не только поседеть в трусах, но и потерять всякое желание идти вперед, потому что увидел тупик в конце тоннеля. Я занял твое место, Тесс. Теперь я единственный, кто его видит.

А дальше Триггер сделал то, что завело меня в еще больший ступор. Триггер достал из-под стола бутылку, налил коньяк в стакан и пододвинул мне.

– Давай, хлопни, – сказал он.

Мне кажется, я стоял, не шевелясь, целую вечность. Я смотрел то на подвыпившего Триггера, то на стакан с коньяком, словно ждал от них подсказки к правильной реакции. Это проверка? Что я должен сделать? Мне все это впервой!

– Благодарю, сэр. Но я воздержусь, – наконец ответил я.

Я все же солдат и побратимством заниматься не собираюсь. Особенно с ним. И снова ревность включила бензопилу и подкрадывалась к моим нервам.

Триггер усмехнулся.

– Знаешь, в чем отличие между тобой и Тесс? – говорил он, впиваясь в меня красными глазами. – Она была еще той истеричкой!

Я молчал. Мне сейчас не хотелось слышать из его уст даже ее имени, не говоря уже о выводах о ее жизни, будто он знал ее больше, чем я.

– Помню, вскоре после ее назначения Генерал наложил запрет на вылазки на целый месяц, потому что в последнее время мы теряли очень много людей наверху. Но Тесс страдала от амбиций новичка, а мы испытывали перебои со светом. Помнишь?

– Да. Миссия на месторождение редкоземельных металлов, – ответил я.

Мы тогда привезли нашим инженерам целые валуны, из которых они выскоблили церий, лантан и еще кучу всего для создания дополнительных аккумуляторов под солнечные панели. После этого у нас восстановилась нормальная работа электросетей. В простонародье мы те времена так и зовем «Эра мрака».

– Тогда в медицинском блоке из-за перебоев с электричеством начали отказывать системы жизнеобеспечения, и пациенты стали умирать один за другим. Генерал поставил на них крест, мол, они и так бесполезные, чего на них ресурсы тратить, и распорядился отключить питание медицинского отсека.

Я замер. Я не знал об этом. Видимо, это и есть командирская жизнь: Полковник начинает делиться секретами о подводных камнях базы, ты погружаешься в дерьмо взаимоотношений званий высокого уровня и пытаешься выжить в этих хитросплетениях. Кажется, я даже услышал, как в моей левой подмышке лопнула луковица, из которой дал росток первый седой волос на новой территории.

– Тесса никогда не говорила об этом распоряжении Генерала, – медленно произнес я, словно бросал вызов правдивости рассказа Триггера.

На что он снова ухмыльнулся.

– А Тесса вообще малоговорливой была, если ты не заметил.

Костяшки хрустнули в кулаках, а цепь на бензопиле пришла в движение, обдувая мои нервы легким ветерком: у Тессы и Триггера были секреты, о которых она мне не рассказывала.

– Тесса тогда и закатила свою первую истерику прямо там, где ты стоишь, – Триггер махнул рукой в мою сторону.

Снова сердце защемило. На мгновение показалось, что я ощущаю ее призрак рядом с собой.

– Я ей говорю, что запрет будет действовать еще три недели. А она мне говорит: «Тогда передайте Генералу, пусть целует меня в зад!». Представляешь? – Триггер вдруг рассмеялся. – Командир мне приказывает передать сообщение Генералу!

Триггер смеялся как-то печально и горестно. Он утер слезы, причину которым я не понимал – смех или боль?

– И ведь пошла! Собрала вас всех, и спецотряды пошли на поверхность без разрешения!

Я помнил тот день четыре года назад. Мы знали, что на поверхность нам путь заказан, но Тесса вошла в штаб командиров Падальщиков и смело заявила, что нам дали зеленый свет на поверхность. Вдруг все воспоминания стали складываться в новую, но такую яркую и логичную мозаику под названием «Как ты раньше этого не заметил?».

Я помню суету. Даже не так. Я помню гонку на сборах, которой не придавал значение. Нам дали десять минут на сборы для экспедиции длиной в три дня! Это противоречит не только Протоколу, но даже инстинкту самосохранения! Мы однодневные вылазки-то целую неделю готовим: наблюдаем за перемещением вражеских единиц вокруг базы, проверяем прогнозы погоды, высчитываем скорость ветра, прочищаем системы Аяксов и собираем запасы оружия, как скрупулезные бухгалтера. Но в тот день мы едва успели экипироваться, как Трухина сунула нам наспех собранные карты двухгодичной давности, где от руки нарисовала возможное расположение инфицированных вдоль траектории к месторождению, она даже не провела их оцифровку для Фелин! Нас в буквальном смысле пинком вытолкнули из базы на поверхность.

Помню, в отрядах стали перешептываться, что подготовка к вылазке прошла как-то впопыхах, но мы не успели опомниться – нам просто не дали на это время. Потому что, когда ты оказываешься на поверхности, у тебя вообще всю память отрубает из-за жесточайшего стресса быть сожранным тварями, весь мозговой потенциал занят чертежами, схемами и просчетом вероятностей выживания в следующие пару часов. Мы уже и думать забыли о наспех проведенной разведке перед вылазкой, а просто вжали педали газа в Аяксах и отправились в долгое и опасное приключение. Теперь-то я понимаю, что Тесса подгоняла нас, чтобы мы не успели вопросов задать, а Генерал не успел нас остановить.

Вот же черт, Тесс! Ты же соврала нам, сказав, что нам открыли краткосрочный коридор в порядке исключения! Мы же фактически пошли Генералу наперекор! И ладно пусть другим не сказала, но ты скрыла это от меня! Почему? Почему ты посчитала меня недостойным знать правду? Потому что думала, что я попытаюсь тебя остановить?

Внутри все упало так резко и так массивно, когда я нашел моим догадкам подтверждение. Я всегда тормозил Тесс. Любые ее фантастические теории не находили во мне должного понимания несмотря на то, что я самый приближенный к ней человек, не только как сержант, но и как друг. Снова совесть зарядила целый хор из самобичевания, стыда и раскаяния, а боль утраты, как фальшивый солист оркестра, запиликала раздражением и ненавистью к самому себе, рискуя весь концерт превратить в реальное желание засунуть дуло в рот и спустить курок.

– Конечно, вас бы не выпустили, если бы я не подмазал Трухину и не подговорил Крайслера, – Триггер продолжал поражать меня этим днем, как талантливый фокусник. – Они замолчали о вашем побеге, но долго скрывать мы не могли. У Генерала глаза и уши на каждом углу, в каждом кармане брюк, да на каждом твоём волоске. Его шпионы разрослись по базе, как сеть меланом: удалишь одну, вылезет вторая в другом месте. От него невозможно скрыть не то что побег отряда, да даже крысиный помет в углу захлавленной подсобки. Этот кабинет – единственное место на базе, скрытое от глаз Генерала. И знаешь, почему я так уверен? Потому что мой кабинет закрывается на нормальный механический замок, а не на эти электронные компьютеры, которые взломать раз плюнуть!

Триггер потряс передо мной старомодным ключом, висящим на его шее.

– Иначе тут бы каждый сантиметр пищал из-за подслушивающих устройств. Можешь хоть сколько смеяться над моей прической ежиком, но старая школа уже сорок лет спасает мою задницу от стукачей!

Триггер спрятал ключ под футболку, туда же, где прятался его длинный шрам, который словно обещал искромсать любого, кто попытается снять с шеи Полковника ключ.

– Тогда Генерал поклялся, что с нас береты полетят, если мы потеряем вас всех. Но вы вернулись через три дня с минимальными потерями, да еще и с целыми булыганами, которые спасли наши задницы от каменного века. Перед таким аргументом Генерал не мог выстоять, и ему пришлось пойти на попятную. Но если ты думаешь, что наш Генерал – человек, который так легко признает свои ошибки, то ты глубоко заблуждаешься. Его Отдел пропаганды придумал красивую сказку о том, что этот краткосрочный коридор – его персональный приказ. Потому что героев не может быть много, Калев. Герой должен быть один. Множество островов в океане создают множество разных течений, а единство мышления и надежд – это то немногое, что у нас осталось здесь под землей, чтобы выжить. Раздирая одно одеяло на куски, мы рискуем вообще без одеяла остаться. Нам необходимо единогласие и сплоченность. Только будучи единым организмом мы сможем противостоять гневу судьбы на нас.

Триггер впери в меня острый взгляд своих зеленых глаз, будто пытался продырявить череп насквозь и увидеть мои мысли. Он даже не моргал. Все его опьянение исчезло вмиг, как будто его и не было вовсе. Вот истинный профессионализм солдата – уметь управлять спиртом в сосудах! Эх, Бриджит этот талант не помешал бы. Она вечно такую ересь городит, когда напьется, а про ее танцы игривой козочки я вообще молчу.

– Вот так герои остались безымянными. И это происходит каждый день, Калев. На нашей базе герои остаются безымянными, потому что на базе есть место только для одного героя – нашего Генерала.

Триггер и не пытался скрыть гнев на Генерала, его монотонный стальной голос звучал настолько холодно и ядовито, что я понял, что ни под каким предлогом не захочу стать врагом Полковника. Кажется, потеря Тесс в нем пробудила нечто похуже соплей и тоскливых рыданий. Потеря Тесс задела его душу настолько, что он нашел в собственных глубинах мирно дремлющую месть, уже открывшую один глаз. Я никогда не слышал, чтобы Триггер так нелестно отзывался о Генерале. Мне всегда казалось, что их четверка нерушима. Но так ли это на самом деле?

Чертов кабинет Триггера, запирающийся на стальной ключ, открыл дверь в мир междоусобиц верховенства. А я-то думал, они тут все за одно. Как же мы заблуждались насчет Полковника.

– Так вот истеричная Тесса, выпила бы этот стакан. Наплевала бы на субординацию и выпила бы прямо здесь и сейчас. Потому что иногда надо уходить от правил, чтобы оставаться человеком, а не быть таким выдрессированным роботом, как ты. Роботом, который нужен Генералу, – произнес Триггер уже тише, закончив свою тираду о героях.

Я опустил глаза, приняв тот факт, что пусть он и бесит меня своими тайнами с Тесс, но в схватке за жизнь Желявы мы с ним на одной стороне.

– Сэр, свою дозу водки я выпил еще вчера, – тихо признался я.

Триггер сощурил глаза и пригляделся ко мне. Ему понадобилась секунда, чтобы вычленить во мне доказательства аналогичной скорби, которая заставляет терять самого себя в безднах боли от потери. Наверное, он наконец заметил и мои красные глаза с синяками от недосыпа, а может где-то на лице у меня даже отпечатались складки мундира, который я подложил себе под голову ночью, потому что у Горе-Федора кроме как на полу спать негде. А может, боль утраты становится видимым клеймом на лбу собеседника, когда познаешь ее сам. Скорбь дарит магический третий глаз, благодаря которому всегда отличишь вдовца посреди толпы.

Триггер широко улыбнулся и прищурился.

– А-а-а. Значит, тоже не бессердечный, – произнес он, кивая. – Значит, я верного человека в командиры взял.

Мы молчали несколько минут, осмысляя всю нашу беседу, в которой повязли точно в клятве. А потом Триггер продолжил:

– Ну так что, Калев? Поддержишь нашего единственного героя на базе, чтобы сохранить единство народа?

Вот и вопрос, проверяющий мою верность.

Проблема в том, что я не был к нему готов. Клянусь, был готов даже ответить на вопрос, сколько раз за день испражняюсь, но не к этому. Я совершенно не предвидел возможность того, что Триггер в первый же день моего назначения командиром кинет меня в самую гущу заговоров и заставит определиться со стороной, что я приму в назревающем конфликте. Видимо, его что-то поджимало, раз он был так скор. Или же потеря моего предшественника играло роль мощнейшего стимула, который требовал немедленно начать проводить четкие границы между сторонниками Генералитета и революционерами.

Откровенная критика Триггера в адрес Генерала, призрака Тесс, требующий продолжения ее наследия, сдвинули мой ориентир, и в конце тупикового тоннеля сверкнул луч солнца из бреши в стене.

– Сэр, единственный, за кого я всегда буду бороться, это народ Желявы! – ответил я решительно.

И стал выжидать.

Правильный ответ? Правильно, нет?

«ПОКЕМОН!» – снова заорал Фунчоза в мозгу. – «Приятель мой, мы вступаем в ратный бой!»

Триггер изобразил намек на легкую улыбку и наконец перестал сверлить меня испытывающим взглядом. Он откинулся на спинку кресла, и по этой его расслабленности я понял, что ответ мой был самым что ни на есть верным.

Отныне пути назад нет. Мы вступаем в ратный бой. Бой, из которого выбыла Тесса, но которая оставила после себя достойного продолжателя ее славного дела.

И снова мозаика складывалась кусочек за кусочком, когда я вспомнил частые визиты Тесс к Триггеру в последние месяцы. Они действительно планировали бунт. Черт, если Фунчоза об этом узнает, ему башню снесет от счастья.

– Тесса научила вас хорошим вещам. Она умела следовать Протоколу, но и отступить от него по-умному. Слышишь? Главное слово здесь – по-умному. Не так глупо, как Фунчоза вчера. Он нам просто времени не дал.

Я снова напрягся. Мне не нравилось, когда Триггер объединял себя с Тесс в одно местоимение. Я уже смирился с тем, что они вместе прокладывали шаги на пути к мятежу, пытался свыкнуться с фактом того, что Тесса утаивала это от меня и Бриджит. Я даже был готов вытерпеть победные танцы Фунчозы, когда он узнает о том, что все это время был прав насчет заговора между Тесс и Триггером. Но я застрелюсь в ту же секунду, если предположения Фунчозы о воздыханиях Тесс к креслу Полковника окажутся верными.

Я часто заставлял ее, сидящую в своей комнате и уставившуюся в никуда, ее мозг всегда был занят тяжелыми думами. Я знаю, она размышляла о многом. Но мне не верится в то, что Тесса хотела воспользоваться мятежом, чтобы получить нашивки Полковника. Потому что иначе окажется, что я совсем ее не знал.

Я все пытался отыскать в памяти момент, когда Триггер впервые намекнул на то, что тоталитаризм Генерала ведет нас в тупик. Я пытался вспомнить, когда Триггер и Тесса начали активно составлять план переворота. Но не мог вспомнить ничего, чем бы они себя выдали. Воистину они совершенные разведчики. Теперь я понимаю, почему он выпорол нас вчера с

таким усердием. Мы ж ему чуть всю вечеринку не испортили своими преждевременными бунтовскими настроениями!

– Я буду толкать речь о погибших, в том числе и о Тесс, – Триггер прервал наши неоднозначные диалоги о героях и долге, видимо, получивший от меня все, что ему требовалось. – Мне нужно кое-что знать. Мы потеряли в деревне двадцать бойцов. Смерть четырнадцати мы отследили по камерам видеонаблюдения и голосовым записям. Остальные, к сожалению, оказались вне зоны покрытия. В том числе и Тесса.

Тут он сделал паузу и посмотрел на меня пристально, не моргая. Под его взором моя застывшая спина изрыгнула пот, как лопнувший гнойник. И снова я поразился тому, как быстро Триггер вышел из ампулы горящего плакальщика и надел маску бездушного руководителя.

– Ты видел ее последним, не так ли?

– Так точно, сэр!

– Но твои видеокamеры, странным образом все до одной, вышли из строя в определенный момент.

Я сглотнул. Вот и настала пора использовать свои заготовки. Я даже плечи расправил, как студент, вытащивший верный билет на экзамене.

– Я находился в непосредственной близости к точке обстрела из сорокамиллиметровой пушки. У многих из нас в тот момент повредилось оборудование.

Триггер задумался.

– Да. Не у тебя одного. У твоего сержанта и еще пары ребят с вашего Аякса действительно отрубило камеры в один момент.

Он стучал пальцами по столу, точно высчитывал вероятность сего сценария.

– Но ты видел ее последним?

Что-то заскрежетало в груди, такое щекочущее и едва ощутимое, но достаточное, чтобы родить жуткое предчувствие чего-то, что я не понимал. Навязчивый интерес Триггера к последним минутам жизни Тессы: она умерла или же... умерла не до конца – нагонял атмосферу скрываемой тайны. В груди копошилась интуиция, словно душа готовилась к Хэллоуину и примеряла костюм привидения, чуя атмосферу мистики вокруг. Такой интерес полковник не должен проявлять к умершему, пусть даже солдат превратился в монстра. В конце концов, какая разница? Умер солдат или не умер, его с нами больше нет, отдай ему честь, толкни речь и дело с концом. Но Триггер продолжал настаивать, желая получить конкретный ответ.

– Как она погибла?

Я сглотнул.

– От моей пули, сэр.

Мне надо выдержать его взгляд, испытывающий на ложь, точно полиграф, который, кстати, стоит на его столе и насмехается.

– Ты удостоверился в том, что она мертва?

«У-у-у», – в груди выли простыни с прорезями на глазах.

– Не было возможности, сэр. Мы эвакуировались экстренно. Зараженные подобрались критически близко.

Я репетировал эту речь весь вчерашний день и всю бессонную ночь.

Триггер кивнул. Но было видно, что он не получил желаемого ответа.

– Я скажу, что она отважно погибла в бою. К твоему сведению, по крайней мере, трое из наших встали на сторону врага. Я рад, что Тесса не одна из них.

Триггер снова впери́л в меня свой рентген-взгляд. Я сжал кулаки и кивнул как можно более уверенно.

– Мне больше нечего тебе сказать сегодня, – слова Триггера сняли с шеи якорь, пригибающий все это время к земле.

Я чуть расслабился.

– Но завтра ты зайдешь ко мне в это же время.

Ягодицы напряглись, потому что якорь снова набрал веса. Приглашение Триггера можно расценивать как посвящение в план грядущих перемен. Значит, я безусловно прошел интервью.

Я не стал медлить, развернулся и зашагал прочь. Уже у самой двери Триггер меня окликнул:

– Калеб!

Я обернулся.

– Падальщики – свет во тьме для всей Желявы. Но отряд Маяк особенный. Он двигатель для спецотрядов. Тесса сделала его таким. Не теряй его суть, – сказал Триггер, впиваясь в меня очередным сверлящим на верность взглядом.

– Я не подведу, сэр! – кивнул я.

Якорь пригibal к земле ответственностью, что Тесс передала мне по наследству.

Я покинул кабинет Триггера, а затем и штаб. Честно признаться, я даже не запомнил путь назад. Мне кажется, всю дорогу до моей командирской комнаты я не дышал. А когда добрался до нее, то заперся аж на замок и испустил такой долгий выдох, что, казалось, сама душа выходит из тела.

Нарастающий гул вопросов без ответов разрывал мою голову, а из груди наружу рвалась паника.

24 декабря 2071 года. 08:00

Тесса

В эту ночь мне приснились родители.

Это было странно, потому что с тех пор, как они ушли в исследовательскую экспедицию с Падальщиками пятнадцать лет назад и не вернулись, я видела лишь кошмары.

Из той экспедиции не вернулся никто. Я помню, как какой-то солдат подошел к нам с Томасом и сообщил, что во время миссии отряд атаквали зараженные. Никто не выжил. Помню, как спокойно мы с Томасом встретили эту новость. В те времена миссии на поверхность были очень частыми, база нуждалась в разном сырье. И запал ученых найти разгадку к победе над болезнью тоже был настойчивым, а потому исследователи целыми группами отправлялись в походы. Целыми же группами не возвращались. А результат был все тот же – мы проигрывали.

К тому моменту уже многие дети лишились родителей, и мы с Томасом внутренне готовились войти в число сирот. Тот день не принес шокирующую новость, не вытащил нас из окружающей реальности своим значением, мы не впали в истерику, не избивали стены до крови на костяшках. Мы просто опустели. И эта пустота осталась в моей душе навсегда, впечатав мою сущность в рамки современной чудовищной реальности, где нет места счастью.

А когда погиб Томас, я совсем умерла. Когда судьба наносит тебе безжалостные удары хлыстом один за другим, сначала ты кричишь, потом рыдаешь, а потом просто сжимаешь челюсти до хруста зубов и терпишь. Боль становится невесомой, незначительной, точно твоя душа умирает по частям, становясь все более равнодушной.

Сегодня во сне я увидела мое последнее прощание с родителями. Мне кажется, интуиция подсказывала мне, что я вижу их в последний раз. Хотя, может, я это додумала уже спустя пятнадцать лет воспоминаний о том дне.

– Томас, приглядывай за сестрой. Тесса, прилежно готовься к экзаменам! – наставляла мама перед покиданием базы.

Она завела мне за ухо длинную светлую прядь моих некогда прекрасных девичьих волос, которые были одного тона с ее стрижкой под мальчугана. Этот мимолетный жест мне запом-

нился так отчетливо, потому что, будучи несмышлёным ребенком, я испытывала отвращение к ее правой ладони, на которой не хватало мизинца и безымянного пальца. Они были обрублены почти по самое основание. Это мама так папу спасла во время одной из миссий на поверхность, когда на него падали ржавые профили с крыши разрушающегося дома. Она прикрыла его голову рукой, и острые края стального листа рубанули по ладони.

– Хрустнуло, как отрезанная морковка! – рассказывала мама, смеясь.

Она хотела развеселить меня и отогнать мой детский страх перед ее покалеченной ладонью. Но, во-первых, я родилась под землей и понятия не имела, что такое морковка и как она хрустит. А во-вторых, ребенок не глуп, ребенок прекрасно понимает, что такое потерять пальцы.

В день нашего последнего прощания мама сняла со своей шеи серебряный кулон в форме сердца на такой длинной цепочке, что он возле пупка болтается. Я знала его историю с детства, он тоже достался ей от матери, туда непременно надо вставлять фотографии людей, по которым очень скучаешь. Фотографии заменяют их присутствие. И действительно, когда я тереблю этот кулон незаметно ото всех, мне кажется, что родители где-то совсем рядом.

– Я вернусь за ним! Обещаю! – сказала мама.

А потом сняла с шеи отца похожий кулон и повесила его на шею Томасу.

Обещанию не суждено было сбыться. Уже позже я поняла: она знала, что они не вернуться. Потому что в кулоне были их фотографии. Они заменили их перед экспедицией.

Через три дня Томас стал моим опекуном. Через семь лет мой брат умер. А еще через восемь лет смерть пришла и за мной.

Этой ночью впервые мои привычные кошмары, где меня загрызает толпа зараженных, сменились на сновидения про родителей. Может, это потому, что я пережила свой кошмар наяву?

Меня загрызли зараженные.

Я открыла глаза и не узнала помещение. Мозг медленно выходил из потустороннего мира, неторопливо врубая один отдел за вторым, как разгоняющийся компьютер. Вот врубился зрительный отдел, вот слуховой, вот я уже ощущаю мерзкий вкус во рту, как будто где-то в глотке повторно сдохло нечто уже мертвое. Вот частично загрузилась память, и я наконец начинаю соображать.

Первый факт, который удивил меня после осознания, что я нахожусь в непонятном месте, это факт того, что это непонятное место необычайно светлое. Я тяжело перевернулась на бок, все тело болело так, словно меня раскатали в лист, а потом встряхнули, как в дурацком мультфильме. Мой взгляд упал на огромное окно в стене справа, а за стеклом я увидела солнце.

Тут же инстинкт самосохранения дозагрузил компьютер в мозгу со скоростью света. От кричащего факта того, что я на поверхности, я резко села, как ужаленная. И тут же режущая боль пронзила шею и плечо с правой стороны. Я рефлекторно прижала ладонь к больному месту и к своему удивлению нащупала там повязку. Запах спирта добавил образ последним штрихом, и мозг озарила догадка.

Меня кто-то спас.

Так, давайте по порядку.

Я помню, как зараженные напали на деревню. Помню, как очнулась на снегу и чуть в штаны не наложила от восстающих вокруг трупов. А потом произошло нечто, не поддающееся логике: зараженные оставили меня в живых. Они оббежали меня, как поток реки обтекает торчащий из воды камень. Я осталась одна без связи и помощи, а потому побрела в сторону базы. Дальше память обрывается.

И теперь я нахожусь в странном помещении, которое видела лишь в Хрониках. Огромная спальня с кроватью размером в три солдатские койки. Я погладила постельное белье рукой, оно такое белое и мягкое на ощупь, но пахнущее старостью. У изголовья кровати тумбы со

светильниками, я пощелкала выключатель одной из них, лампа зажглась. Поразительно! Возле огромного окна, за которым тусклые солнечные лучи поочередно пробивали серые облака, затянувшие унылое зимнее небо, стоял широкий диван с креслами сочного бордового цвета, журнальный стол и торшер в стиль прикроватным лампам. На столе лежали глянцевые журналы и пара бокалов с бутылкой от шампанского, которое уже давно испарилось. На стене напротив кровати висел черный телевизор, покрытый толстым слоем пыли.

Я встала с кровати и первым делом оглядела себя. Меня еще и раздели! Я стояла в своем нижнем белье: майка, запятнанная засохшей кровью, и боксеры, истирающиеся на половинках моего персика. Хоть не голая, и на том спасибо! Я потащила свое изнывающее тело в ванную. И опять же – свет здесь работал.

Пока я справляла долгую нужду, в голове стала складываться все более понятная картина. Я нахожусь в какой-то квартире времен Хроник. Но как я здесь оказалась? И где это здесь? Судя по пейзажу за окнами, я где-то глубоко в горах. Это город? Это деревня?

Смыв унитаза тоже работает. Здесь точно кто-то живет! Откуда водоснабжение, электричество? Что за чудеса?

Я подошла к умывальнику, подергала ручки крана, полилась ржавая вода. В зеркале над умывальником я увидела свое отражение. Хоть это радует – я по-прежнему страшная Тесса. Холодная вода помогла очнуться окончательно. Умывшись, я наконец разглядела повязку, покрывающую изгиб шеи и плечо. У зараженных пасти огромные, они могут одним укусом вырвать руку из плечевого сустава. Я отлепила повязку и увидела шрамы от укуса в шестьдесят зубов. Меня укусили дважды, словно для пущей убедительности. Но я так и не превратилась в монстра. Странно. Раны уже покрылись сухой коричневой корочкой и напоминали розовые полумесяцы. Даже швы не пригодились. Интересно, сколько я спала?

Надо задать этот вопрос тому, кто притащил меня сюда. И пора бы отправиться на его поиски.

Я вышла из ванной комнаты, огляделась вокруг, но своей униформы не нашла. Как и обмундирования с оружием. Было бы глупо, конечно, оставить его мне. Экипировка Падальщиков – чудо посреди апокалипсиса, там электросхемы, провода, аккумуляторы, не говоря уже о шлеме и автоматической винтовке с видеокамерами. Глупо полагать, что такое добро оставят бесхозным.

В ванной я видела стальную сушилку для полотенец, спустя сорок лет, она должна легко поддаться. Пеноблоки со временем теряют свою крепость, высокие здания в городах уже начали осыпаться. Я вернулась, вцепилась в металлическую трубу и через пару небезболезненных рывков вытащила ее вместе с дюбель-саморезами из стены. Не винтовка, конечно, но доверившись своей древней памяти времен варварства, когда дубинка служила единственным оружием, гематомы ею набить точно смогу.

Я охотно покинула спальню, в которой высокое окно без решеток нервировало меня уличным пейзажем, кричащим «Эй! Ты на поверхности!». Удивительно, как все изменилось за сорок лет: во времена Хроник этот горный пейзаж символизировал романтические свидания под открытым небом, роскошные ужины при свечах, рождение любви и мечтаний о светлом будущем. Сегодня же я не вижу в нем ничего, кроме угрозы и кровавых рек, текущих в унисон человеческим крикам в агонии.

Покинув свою обитель из прошлого, я поняла, что ошиблась. Это не квартирный дом. Таблички с номерами на дверях заявляли о том, что это – отель и довольно большой. Впереди и позади меня я насчитала порядка тридцати дверей. Но ни за одной из них я не чувствовала жизни.

Тишина напрягала меня, но я все же старалась идти бесшумно, на цыпочках, держа трубу наготове. Я никогда не оказывалась на поверхности без экипировки, без винтовки, без стальной брони. Я еще никогда не чувствовала себя настолько незащищенной! Казалось, что враг под-

жидал за каждым углом, различая в этой мертвой тишине барабанную дробь моего учащенного сердцебиения. Дыхание сбилось, взмокла спина, и вот уже первые капли пота потекли вдоль позвоночника к персику, превратившемуся в камень от запредельного напряжения. Мой инстинкт самосохранения уже пищал в истерике и бегал по кругу внутри мозга, крича во всю глотку: «Остановись, дура! Залезь в шкаф! Мы же все умрем из-за тебя!»

Но любопытство вело меня дальше. Наверное, подобное любопытство испытывали мореплаватели и путешественники, отправляющиеся в неизвестность, ради ответов на вопросы, которые не давали им спать. Я точно знала, что не смогу заснуть без ответов на вопросы, которые родились целым скопом в этом чудачковом месте, где я, укушенная монстром, все еще человек.

В конце коридора я набрела на дверь, над которой висел зеленый знак с бегущим человечком. Аварийный выход. За дверью оказалась обычная бетонная лестница. Я перегнулась через перила и сосчитала восемь пролетов. Значит, здесь четыре этажа, я находилась на третьем.

Я быстро спустилась по лестнице, активная физическая деятельность заглушала страх, но все же перед дверью, ведущей на первый этаж, я замерла. Двери вообще изобретение Дьявола, никогда не знаешь, что тебя ждет за ними. Я и на базе никогда не закрывала дверь в свою комнату, почему-то моя психика обладает необъясним отторжением понятия «заточения» на уровне подсознания, которое я не могу контролировать. В замкнутых пространствах у меня развивается клаустрофобия, и скажу я вам – небеспричинно. Когда каждый день живешь под давящими на тебя со всех сторон тоннами земли, а в жилых отсеках совершаются обвалы и затопления из-за грунтовых вод, которые хоронят людей заживо, очень быстро начинаешь ощущать это давление физически, и весь смысл спасительного заточения превращается в дикий стресс.

Я знаю, что до Вспышки человечество заточало в бетонные решетчатые клетки диких вольнолюбивых зверей, лишь бы потешить публику экзотикой. У тех животных в качестве ответной реакции на стресс от жизни в заточении развивалось стереотипное поведение, которое ученые называли «зоохозис». Это были неконтролируемые и бессознательные движения, вроде качания головой у слонов, хождения кругами у тигров и львов. Так предназначенные для жизни на огромных территориях животные неосознанно боролись со стрессом от жизни в тесных клетках.

Полярных медведей, которые в естественной среде за год преодолевают порядка пятнадцати тысяч километров и ежедневно совершают заплывы на десятки километров, заключали в бетонные загоны в лучшем случае тридцать на тридцать метров с бассейном больше похожим на лужицу или лягушатник, чтобы люди смотрели, как они едят, спят и испражняются. Больше там увидеть было нечего, несмотря на громкие заявления зоопарков о том, что приоритет их деятельности прежде всего кроется в изучении редких видов, а вовсе не в прибыли. Мне всегда казалось это нелепым, потому что изучать вид по экземпляру, заточенному в клетке, все равно, что изучать человечество, как вид, по тем индивидуумам, что сидят в тюрьмах. Неужели вы увидите там здоровое поведение и естественные социальные связи?

Человек до Вспышки был чертовски нелогичным в своих выводах. Жаль, что они не понимали этого. Зато вместо них это понимаю я – потомок идиотов, вынужденный закопать себя заживо, лишь бы остаться в живых. Вот так наши предки в очередной раз навлекли на нас проклятье зверей, над которыми измывались самыми изощренными методами. Сорок лет назад человек населял бесконечные пространства на планете, а теперь вынужден заключить себя в подземные клетки, отчего у нас также развиваются патологии в психологическом состоянии.

Я открывала тяжелую металлическую дверь очень медленно, боясь скрипа петель от времени, мне удалось бесшумно пробраться на первый этаж.

И снова меня бросило в жар от еще более жуткого места, что представлял собой холл гостиницы. Он такой светлый, твою мать! Здесь окна еще больше! Готова признать свою неправоту: не дверь изобретение Дьявола, а вот эти трехметровые окна, сквозь которые свет тусклого зимнего солнца так смело заливает этот интерьер, вырванный из какого-нибудь эпоса про хоббитов и эльфов. Всю жизнь стремившаяся вырваться из подземелий и обрести жизнь под солнцем, я все же не могла контролировать естественную реакцию моего организма, воспитанного одной основополагающей истиной, спасавшей мою жизнь все последние двадцать три года: подземная база без окон и дверей – единственный способ выжить.

В холле царил дух модернизма с вкраплениями деревенской эстетики: каменная стена за стальными стойками администрации, огромный металлический камин в зоне отдыха с диванами и креслами из лозы, на которых лежали смятые клетчатые покрывала, огромные деревянные миски на безупречных по форме белоснежных журнальных столах из стекла. Табуреты в виде пеньков возле пустого вендингового автомата. Толстые металлические входные двери явно выбивались из дизайнерской задумки, видимо, их поменяли уже после Вспышки. Этот вариант мне кажется наиболее вероятным предположением из-за толстых стальных засовов, установленных поперек дверей.

И кстати, они не заперты.

Вдруг из-за спинок диванов выросла человеческая фигура. Я аж отпрянула и рефлекторно выставила перед собой свое мощное оружие против занавесок. Почему-то мне казалось, что воздушная тюль на раздражающих огромных окнах, светящих на меня задорным солнечным светом – единственное, что по зубам этой полотенцесушилке. К черту! Главное – выглядеть уверенно и страшно. Второе мне всегда удается без проблем, благодаря шрамам от ожогов на пол тела.

Я была застигнута врасплох тем, как бесшумно он ковырялся в сумках на полу, пока я разглядывала холл. Теперь же, когда он стоял ко мне спиной, я смогла подобраться поближе и рассмотреть незнакомца детальнее.

Это был высокий худой, но стройный мужчина, по телосложению похожий на тех аристократов с фотографий далеких лет: длинная изящная шея, тонкие ладони с пальцами, которыми в самый раз на рояле играть, охватывая сразу три октавы. Его каштановые слегка волнистые волосы аккуратно зачесаны назад, но немного взлохмачены, как будто он только что снял шапку. На нем была облегающая черная водолазка, которая делала его еще стройнее, и черные утепленные брюки из мембраны.

Он ворошил дорожные сумки и рюкзаки, наваленные в одну кучу посреди фойе. Он не казался зараженным, и не был психом, как мне кажется. Но с ним точно что-то не так. Как и с любым человеком, живущим на поверхности в эти дни.

Наконец он встал с пола и развернулся ко входной двери, возле которой лежали еще несколько рюкзаков.

И тут увидел меня.

– Ты кто? – спросила я, немедля.

Он дал себе время оценить меня с ног до головы, задержаться взглядом на моей супертрубе. А потом посмотрел на меня с немым вопросом «Ты серьезно?».

Я жала оружие против занавесок еще пуще, нахмутив брови и поджав губы – серьезнее некуда, сынок! – сказал суровый командир в трусах с дыркой на заднице.

– Можешь звать меня Кейн, – ответил он с британским акцентом.

Эх, есть у нас на базе пара инженеров – англичан! Ей богу, у меня ноги подкашиваются, когда они начинают вот так мурлыкать.

Кейну было на вид лет тридцать. Его лицо показалось мне смутно знакомым. Пара неглубоких морщин на лбу, высокие скулы и впалые щеки, достаточно волевой подбородок для столь утонченного лица. Его прямая осанка и расправленные плечи подтверждали мою теорию о том,

что он имеет королевские корни. Он был похож на высокого эльфа, и весь этот деревенский модернизм вокруг очень шел ему. Взгляд лисьих зеленых глаз был пронизан свойственным лишь аристократам чувству надменности и легкого презрения к собеседнику. Я вдруг почувствовала себя настоящим варваром перед ним: стою в трусах с дубинкой в руках, пока он тут такой весь грациозный чуть ли не чай попивает из чашечки с блюдечком в цветочек.

Кейн, как ни в чем не бывало, продолжил переносить рюкзаки от двери к диванам.

– Что это за место? – спросила я.

– Гостиница Умбертус в Бадгастайн, – ответил он.

Я ни слова не поняла, но кивнула.

– Ты живешь здесь один?

– Всего здесь проживает пятнадцать человек, включая меня, – отвечал он, таская сумки туда-сюда.

Он даже не обращал на меня внимания, и я поняла, что моя супертруба не нужна, я опустила ее.

– Вы... все ученые? – спросила я, разглядывая его оборудование в сумках.

Какие-то прозрачные боксы с пробирками, длинные телескопы, военные ноутбуки. Большинство из его переносного оборудования я впервые видела.

– Что-то вроде того, – ответил он.

А потом закинул на плечо один из рюкзаков, взял ноутбуки и зашагал прочь.

Вот так, не попрощавшись, не пригласив на чашечку английского эрлгрей, а просто ретируясь, словно я мимолетный незнакомец, попавшийся ему на дороге в утренний час-пик и донимающий раздражающими глупыми вопросами, вроде «А который час?».

Он исчез за углом, хлопнула металлическая дверь. А я продолжала стоять в полной растерянности от такого странного приема гостей. Но у меня было слишком мало входных данных, чтобы построить хоть какие-нибудь вразумительные выводы о том, что происходит. Поэтому я натянула на себя невидимую капитанскую шляпу мореплавателя-первооткрывателя и поспешила за этим странным Кейном.

Дверь, за которой он исчез, оказалась аналогом аварийного выхода в противоположном конце холла, откуда вышла я. Услышав очередной хлопок двери где-то сверху, я побежала через одну ступень на второй этаж и снова оказалась в коридоре с кучей дьявольских дверей.

Однако, сразу стало ясно, что этот этаж отличался от верхнего. Мой был жилой. Этот – рабочий. Видимо, раньше здесь располагались конференц-залы, которые Кейн переделал в собственные лаборатории. Я зашла в ту, где слышалась возня.

Это – биохимическая лаборатория. Хотя я особо не разбиралась в них, но четыре года общей научной подготовки позволили мне узнать инкубаторы для культивирования клеток и проведения химических реакций, центрифугу для разделения жидкостей, холодильник и морозильник для хранения крови, шейкеры для перемешивания жидкостей в колбах, термостатные камеры для исследований, а еще целая куча рокеров, дробильных мельниц, температурных плиток, колбонагревателей, весов, анализаторов разного рода. И это только то, что я сумела распознать. Вся эта исследовательская красота располагалась вдоль стен, на которых висели дисплеи и доски с разными формулами, значениями, таблицами и молекулярными схемами. Я почувствовала где-то глубоко внутри просыпающегося ученого, которого искренне заинтересовали надписи на досках. Хотя я и стала солдатом, другая половина Тессы всегда тяготела к таинственным закорючкам, в которых скрывалась формула жизни.

Кейн прошел к одному из столов с микроскопом и стал ворошить рюкзак с сумками, доставая оттуда новые вещества для его мини-роботов. Один из них жужжал рядом со мной, на дисплее отсчитывалось время, как на бомбе. Может, там каша варится? Мое ненасытное чудовище заскулило, забурлило и задергало пищеводом как звонарь в колокол, мол, сколько

уже можно меня голодом мучить? Но мой мозг при виде всех этих ученых штучек оставался глух к требовательным просьбам желудка.

Кейн немало тут потрудился. Я даже представить не могла, сколько времени ему понадобилось для того, чтоб создать целый исследовательский центр в отеле в горах. Даже если работали все пятнадцать человек, откуда они достали все это оборудование? Как долго они перевозили его сюда?

Кейн уже подключал ноутбук к микроскопу и запускал программы. В общем, всем своим видом показывал, что занят и на меня времени нет. Ага, как же! Так легко не отделаешься от варвара с дубинкой в капитанской шляпе!

– У вас тут окна, – отметила я.

– Да, человечество изобрело их, когда покинуло пещеры.

– Я серьезно. Это небезопасно.

Кейн промолчал и уселся ко мне спиной, погружившись в мир клеток под микроскопом.

– Мы где-то глубоко в Альпах, да?

– Да.

– У вас есть солдаты, военные?

– Нет.

– Как же вы защищаетесь?

Кейн вздохнул.

– Ты задаешь неверные вопросы, Тесса.

Я замерла.

– Откуда ты знаешь мое имя? – насторожилась я.

– С твоей экипировки.

– Там написано «Терра-Эко» – часть моего позывного.

Я снова сжала оружие против занавесок. Не нравилось мне, когда люди знали обо мне то, что я им не говорила.

– Тут есть люди, которые знакомы с тобой.

В голове тут же всполошился ворох из подозреваемых. Кто это? С кем я могла встретиться вне базы?

– И опять же, ты задаешь неверные вопросы, – перебил он мои размышления, пялясь в свой микроскоп.

Он начинал меня бесить.

– А какие верные?

– Ну например: почему ты не обратилась в монстра после укуса?

Да, он прав. Это – чертовски хороший вопрос.

– Ведь тебя укусили. Это был не сон. Зараженные высосали из тебя порядка трех литров крови, вирус из их слюны попал в твои кровеносные сосуды. Но единственная причина, от которой ты могла умереть, была лишь критическая кровопотеря.

Я подкралась поближе.

– Так почему я не обратилась? – спросила я полушепотом.

Двоякие чувства охватили меня в этот момент откровения: любопытство ученого в капитанской треуголке настолько окрепло в своих позициях, что уже присматривало попугая себе на плечо, но в то же время выдрессированная осторожность Падальщика предупреждала всю нашу вечеринку Тессовых перевоплощений о том, что мы всего в одном шаге от реального дерьма, о котором еще пару дней назад даже и не подозревали.

– Это – мутация, своего рода, – ответил Кейн, продолжая испепелять взглядом образцы в микроскопе.

– Мутация?

– Да. Она наблюдается у некоторых людей, в особенности родившихся уже после Вспышки.

– Что-то типа иммунитета к вирусу?

– Нет. Ты заражена, это точно. Просто вирус в твоём организме проявляется по-другому. Кейн рассказывал так легко и непринужденно, словно рассказывал эту историю уже сотню раз.

– Откуда ты знаешь, что я заражена? Я ведь по-прежнему человек.

– А зараженные хотели тебя съесть?

Аргумент.

– Они чуяли вирус в твоей крови, а вирус сам себя не пожирает. Его главная задача – распространиться, как можно дальше, отвоевать себе как можно больше территорий.

Тесса-ученый начала что-то вспоминать из курса общей научной подготовки о размножении вирусных частиц.

– Тогда что вирус сделал со мной?

– Как ты думаешь, сколько мне лет?

Дурацкий вопрос. Если скажешь больше, чем есть на самом деле – оскорбишь. Если дашь меньше – вроде сделаешь комплимент, но вместе с тем оскорбишь, потому что считаешь его недостаточно зрелым.

– Около тридцати? – я развела руками.

– Почти, – произнес он голосом занятого человека.

Он смотрел то в микроскоп, то на экран ноутбука, где я видела странные нетипичные для человека цепочки ДНК.

– Мой физиологический возраст – тридцать шесть...

Я кивнула. Была близка.

– Но мой биологический возраст – семьдесят семь.

Я аж дышать перестала.

– Тебе семьдесят семь лет?! – воскликнула я так громко, что сороки за окном забились крыльями в стекла, взлетая с еловых веток, осыпавшихся снежком.

Черт! Сороки? Меня окружают сороки? Настоящие сороки? Мне кажется, я не скоро привыкну к жизни на поверхности.

– Да.

– Но ты не выглядишь на семьдесят семь!

– Именно.

– погоди, – я замотала головой, собирая в кучу столь поразительные факты, – то есть тебя тоже укусили?

Кейн отвлекся от микроскопа и поочередно завернул рукава водолазки. Я увидела едва заметные следы от множественных укусов на руках, шее, плечах. Вот же не свезло! Я там в деревне чуть не родила все свои органы от того, что на меня один накиннулся! На Кейна же, судя по всему, налетела целая толпа чудищ, и, богом клянусь, я бы ни за какие коврижки не согласилась поменяться с ним местами! Моя боль была настолько адской, что я даже дышать не могла, меня тошнило от осознания того, что я чья-то добыча, и не просто добыча, а добыча, которой уже пируют всюю!

Я больше никогда не хочу становиться добычей. Я проклинаяю своих предков за то, что своим непомерным аппетитом в потреблении земных ресурсов они скинули нас с вершины пищевой цепи и создали организм, который сильнее нас в десять раз. Человечество долго вообразило из себя венец эволюции, эксплуатируя слабых и пожирая их плоть, будучи глухим к их мольбам и визгам от боли. Жестокий выбор моих предков привел нас в пасти таких же безжалостных чудовищ, какими люди казались для бедных зверей. И они тоже глухи к нашим

визгам и мольбам, им важно лишь поужинать, и ничего, кроме аппетитного куска мяса, они в нас не видят.

Я даже вспоминать не хочу о том моменте, когда оказалась в цепких руках людоеда. Я начинаю потеть от макушки до пяток, дыхание рефлекторно учащается, а сердце снова впрыскивает адреналин в кровь, словно этот монстр до сих пор сидит на мне и отрывает от меня куски плоти. Этот пережитый кошмар никогда не забыть, как бы я ни старалась. Этот монстр так и будет сидеть на моей спине до конца жизни, как напоминание о той участи, что постигает ненасытных жадных людей в конце пути аморального потребления: они стали чудовищами и начали пожирать своих детей.

Наверное, прошло несколько минут, прежде чем я поймала себя на мысли, что потонула в ужасе, который испытала там в пастях чудовищ, Кейн растянул рукава водолазки и вернулся к изучению загадки в микроскопе.

– Практически не видны, – произнесла я надломленным сухим голосом, потому что надо было что-то сказать, чтобы вырвать себя из кошмара. А у самой внутри продолжалось действие панической атаки, которую нагонял призрак людоеда, вцепившегося острыми клыками мне в шею. От столь мощного воспоминания шрамы заныли.

– Пройдет еще лет пять и от них вообще следа не останется, – ответил Кейн безучастно, словно он уже забыл о них.

А вот черта с два он забыл! Пусть даже не старается тут храбрится. Подобный ужас не забыть никогда! Его боль витает в воздухе, как рой назойливых мошек, от которых не отмахнуться. Его терзали на части сразу несколько монстров!

– То есть... вирус делает тебя бессмертным? – продолжила я расспросы.

– Не совсем. Он увеличивает темпы регенерации тканей, и старение замедляется.

– Значит, мы быстрее выздоравливаем?

– Именно.

Я вспомнила свои раны и даже прижала к ним ладонь, чтоб не убежали никуда.

– Сколько я была в отключке?

– Два дня.

Очуметь! Меня прокусили до костей, но все зажило всего за два дня! Я вдруг почувствовала себя человеком с суперспособностями. Это же невероятно крутая вещь – заживлять раны до костей со скоростью в пару дней! Тесса в треуголке, ведомая любопытством, уже подкидывала мозгу идиотские предложения прострелить себе колено и засечь время заживления огнестрела. Но благо Тесса-Падальщик дала первой нехилый подзатыльник, чтоб выкинуть эту ересь из головы. С такими экспериментами из Человека-Целителя быстро превратишься в Человека-Мудака, а это на суперспособность как-то не очень тянет.

Но не может быть все так сладко и гладко. В глупых фантастических фильмах времен Хроник у чудо-людей всегда жизнь не ладилась из-за каких-нибудь опасных злодеев, переродившихся друзей-мстителей или просто из-за тупой влюбленной девчонки.

– А какие отрицательные последствия? – спросила я.

Кейн слегка улыбнулся. Кажется, я наконец задала верный вопрос.

– Мы стали бесплодными.

Я не сразу поняла смысл его ответа. Наверное, лишь через минуту в голове начал складываться пазл природного оружия против человечества. Природа, скажу я вам – превосходный военный стратег. Она не просто провела операцию по первичной зачистке территории, истребив девяносто процентов населения в первой волне заражения, она еще заложила механизм, блокирующий воспроизведение человеческих особей, можно сказать, распылила радиоактивных изотопов, чтобы вообще все живое подошло на долгие столетия. Вот же стерва! Никаких шансов нам не оставила!

Самое время опустить руки и наслаждаться последними деньками человечества, разве нет? Но я оглядела жужжащую лабораторию Кейна и поняла, что он и не думал сдаваться.

И словно в подтверждение его слов тот мини-робот, что варил ему кашу, пикнул, обозначая завершение своей рабочей смены.

– Ты изучаешь его, – предположила я.

Кейн встал из-за стола и прошел к механическому пупсику, похожему на мини-копию P2-Д2.

– Что ты пытаешься найти? Лекарство?

– Что-то вроде того, – отвечал он, разглядывая на свету пробирку с темно-синей жидкостью, которая не очень смахивала на кашу.

– Успешно?

– Не особо.

– Как долго ты изучаешь его?

– С начала Вспышки.

И тут меня осенило.

– погоди! Так ты все это видел? Вспышка происходила на твоих глазах?!

Мне показалось, его лицо тут же окрасилось злобой, словно я выковырнула какую-то гадость из его памяти. Но он быстро отвернулся от меня, делая вид, что занят изучением содержания таинственной пробирки. Хотя даже я, не имея солидную научную подготовку, понимала, что у него получилась там какая-то окисшая фигня.

В следующую секунду я перестала контролировать свои рефлексy, расширила глаза и язык высунула от озарения.

– Я знаю тебя!

И тут он посмотрел на стальную дверь криоморозильника перед собой, на которой мое отражение с высунутым от удивления языком раздражало его так, что я и по его размытому отражению поняла, что он хочет меня испепелить.

Но я не могла молчать! Передо мной стояло лицо из прошлого, которое мы всей базой дружно считали мертвым на протяжении сорока лет!

– Ты – тот доктор из учебника по вирусологии! Вы там на фотографии вдвоем стоите в халатах! И каких-то два мужика в костюмах! Что же там было написано?

Тут прозвеневший гонг прервал строящиеся в моей памяти логические мостки, и я не успела достичь отдела, в котором пряталось его лицо.

Чего? Гонг? Что за сумасшедшее место? Я в жизни гонг не слышала, только благодаря Хроникам знаю, что это такое. Хотя, может, это – слуховая галлюцинация? Но такая реальная! Перекатистый глубокий гул пронесся где-то за стенами вниз и оставил тяжелое эхо после себя.

Сороки, гонг, загадочный британец – это точно Нарния!

– Это приглашение на завтрак. Иди на первый этаж по табличкам «Ресторан». Познакомись с другими обитателями, – произнес Кейн.

– погоди! Но та фотография...

– Внизу есть люди, которые очень хотят тебя увидеть!

Он перебил меня так резко и настойчиво, что я аж опешила. Эльфийское создание умеет истерить, причем так по-мужски: поставил точку и все, даже слова не скажешь столь грозному тону. Оказывается, несмотря на всю его галантность, яйца у него не для украшения висят.

Я бы может и настояла на своем, потому что я командир и вообще-то командовать я привыкла не меньше его, но вот мой предательский ворчащий живот был с ним солидарен.

Я вышла из лаборатории, оставив создание эльфийской крови наедине с его суперумными игрушками и суперраздувшимся самомнением, и направилась обратно на первый этаж под ворчание моего изголодавшегося чудовища.

Деревянные таблички в виде стрелки с надписью «Ресторан» привели меня в восточную часть здания. В большом помещении с десятками пустующих обеденных столов и стульев вдоль таких же пустующих подогревателей еды окна были еще больше. Захватывающий дух пейзаж, открывающийся на заснеженную деревушку в горах с плотными лесами, обширными оврагами, горной лыжной трассой и подъемником, нервировал меня все больше.

Я услышала разговоры и веселый смех в одном из залов и пошла на эти нетипичные для нынешних времен звуки.

– Свен, хлеб уже заплесневел! – говорила девушка за стеной.

– Это – благородная плесень, Куки, – ответил парень.

– Именно! – подхватил другой мужской голос.

– Как там назывался этот дорогой сыр с плесенью? В него специально вводили пенициллин, и он покрывался вот таким же зеленым налетом, – спросил третий мужской голос.

– Рокфор. Он считался деликатесом и стоил дороже обычных сыров раз в десять!

– Да, Куки. Рокфор – это люксовый деликатес!

– Ну тогда сделай мне люксовый бутерброд из хлеба-Рокфор с помидорами-Рокфор. А на десерт хочу вон то яблоко-Рокфор.

– Куки права. Отрегулируй уже холодильник, Свен. Все продукты испортились, – произнес четвертый.

Я вышла из-за угла и наконец увидела обладателей голосов.

Пятеро ребят сидели за прямоугольными столами, сдвинутыми в один. Стол был уставлен мисками с зелеными салатами, яблоками и апельсинами, дымящимися стопками блинов и тостов. А еще там стояли цветные банки, в которых я узнала варенье – мы их в первую очередь съели в той деревне, которая служила нам кладовой. Это была невероятная вкуснотища! Сахара и соли у нас на базе вообще не водится.

Пока я разглядывала пир на столе, ребята заметили меня и молча уставились в ответ. Они улыбались. Нет, не смеялись над моим нижним бельем, а именно улыбались. Радостно так, словно давно меня не видели.

– Привет! Я – Куки. Давай к нам за стол, – позвала девушка.

Куки – мулатка с роскошной копной выющихся черных волос, стройная и пышногрудая. Сразу было ясно, что парни ее обожают.

Я медленно подошла к столу, но не спешила садиться.

– Это Свен. Он отвечает у нас за кухню, хотя повар из него довольно паршивый.

– Эй! У меня есть чувства!

Парень возмутился так искренне, но все же шутя. Он был плотного телосложения невысокого роста с взлохмаченными русыми волосами, круглым лицом и мощной короткой шеей.

– Привет. Я – Хайдрун!

– Дурун-дун-дун! – Свен с чернокожим парнем изобразили рокот мотоцикла и прибавили на нем скорость кулаками.

Молодая девушка с длинными до пояса волнистыми рыжими волосами и бледным лицом, усыпанным яркими веснушками, протянула руку вперед, закатив глаза. Я ответно пожала.

– Мои родители меня невзлюбили сразу же после рождения. Иначе не объяснить их выбор имени для меня. Так называли девушек лет двести назад, – объяснила Хайдрун.

– Как? – спросил Свен.

– Ну Хайдрун.

– Дурун-дун-дун!

Ребята снова изобразили, что едут на мотоциклах, и рассмеялись.

– Придурки! – рыжеволосая покачала головой.

– Я – Малик, – черный парень с накачанными бицепсами, которые он хвастливо подчеркивал футболкой меньшего размера, протянул мне руку.

Я тоже пожала ее в ответ.

– Я работаю ассистентом у доктора Кейна. Ты уже видела его?

Я кивнула.

– Мы встретились в фойе. Он вернулся из экспедиции?

– Он снова ходил в ту деревню, из которой тебя вытащил.

– Что он там делает?

– Собирает образцы. Вы там немало зараженных прикончили. Дорога туда долгая. Четыре часа пешком.

– У вас нет машин?

– Есть снегоход, но он сломан. А наши инженера халтурят и скидывают свою тупость на отсутствие деталей!

С этими словами он посмотрел на пятого собеседника, который все это время молчал и читал что-то в планшете. Это был обросший бородатый мужчина с коричневыми взлохмаченными волосами в стиле хиппи. Он показал Малику средний палец.

– Это – Эмильен Лоик Жан-Ги де Руссело, – представил Малик.

– Какое село? – смутилась я.

– Можно просто Миша, – добавил Малик.

Миша махнул мне рукой.

– Миша у нас немой. Так что, если хочешь понять его уморительные шутки, учи язык жестов.

Ребята расселись за стол, но у меня столько вопросов было в голове, что даже желудок забыл про свой голод и вооружился стетоскопом, чтобы лучше слышно было.

– Давно вы здесь живете?

– Кто как. Кейн нас всех вытаскивает оттуда уже лет десять, – Хайдрун взглядом указала на улицу за окном.

– Значит вы тоже...

Я замялась.

– Укушенные? Так точно! – ответил Малик и первым показал отметины от острых зубов на левом боку. Они были свежее, чем у Кейна, но несколько лет точно насчитывали.

У Хайдрун было прокусано бедро, она показала его под красочной пышной юбкой до колен, и я удивилась красоте ее одежд. Мое нижнее белье мне уже шесть лет служило, а на ягодицах уже истиралась ткань. Про майку вообще молчу: у нее вид будто она из пулеметной бойни выбралась.

Куки имела шрам от зубов на пояснице.

– У Миши выдрали целый кусок глотки. С тех пор он немой, – рассказал Малик.

– Но разве из-за вируса мы не получили способность к быстрой регенерации? – удивилась я.

– Да, раны у нас заживают гораздо быстрее, чем у обычного человека. Но регенерация имеет лимиты, она не способна отрастить части тела заново. Так что смотри, не теряй пальцы.

– Тесса! – раздался крик сзади.

Я обернулась.

Ко мне подлетела девушка с короткой стрижкой и мальчишковым телосложением. Это все, что я успела заметить, потому что в следующую секунду уже висела на ее шее, обнимая сама не зная кого. Лишь спустя минуту меня настигло озарение.

– Перчинка?! – воскликнула я, пока она раскачивала меня в воздухе.

Полинку-Перчинку мы потеряли четыре года назад во время вылазки на месторождение редкоземельных металлов. Миссия длилась три дня и потери были неизбежны, а я-то тем более еще совсем зеленая была – как месяц назначенная командиром отряда.

Первые потери сильно били по моей самоуверенности, потому что я была моложе многих более опытных солдат, которые отныне были в моем подчинении. Триггер же всегда умел поддержать меня после провалов, он заново разжигал во мне огонь гнева на мир, он стал моим собственным маяком, ведущим по тропе мести.

– Потери дают тебе опыт. Авторитет свой ты построишь на костях потерянных солдат. И если ты будешь пускать сопли из-за этого нерушимого закона, то тебе не место в Падальщиках. Принимай этот закон, как должное. Как закон природы. Как столп, который не сдвинуть. Чтобы что-то обрести, ты должна что-то потерять. Равновесие должно сохраняться.

Слова Триггера я запомнила навсегда, потому что понимала, что несмотря на жестокость правила равновесия, оно действительно работало. Чем больше теряешь, тем сильнее становишься.

– Мы так обрадовались, когда Кейн принес тебя сюда!

Перчинка наконец вернула меня на землю, и я ее оглядела. Перчинка была высокой девочкой почти два метра ростом. Благодаря ней, Маяк три года подряд побеждал на волейбольных соревнованиях. У нее яркие голубые глаза, так по-ангельски контрастирующие с короткими черными волосами, подстриженными под мальчугана, а на щеке отчетливая черная родинка, которая пряталась в ямочке, когда Перчинка улыбалась. С последнего момента, когда мы видели друг друга, она ничуть не изменилась.

– Мы? – переспросила я.

– Привет, Тесс!

Из-за спины Перчинки вышло еще одно знакомое лицо.

– Не может быть! – выдохнула я.

Бугай одного с Перчинкой роста подошел ко мне и уже второй раз я повисла на плечах крепыша, который обнял меня так, что ребра захрустели.

– Привет, Зелибоба! – прокричала я.

Зелибоба приходился двоюродным братом Перчинки, и из той миссии оба не вернулись. Благодаря нему Маяк три года выигрывал в соревнованиях по баскетболу.

Зелибоба вернул меня на землю, и я наконец осмотрела обоих. Было как-то жутко. Лица, которые я четыре года считала мертвыми, стоят здоровые и улыбаются. А до того был доктор Кейн, который тоже считается мертвым уже четыре десятилетия. Я словно умерла и попала в чистилище, где меня встретили мертвецы.

– Это поразительно! Вы оба имеете эту мутацию! Неужели она такая частая, а мы просто не замечаем ее? – размышляла я.

– На самом деле, мутация встречается довольно редко. И то при удачном стечении обстоятельств – если человека не загрызут насмерть, например, – сказал Малик.

– Но у родственников она действительно встречается чаще. У нас набор ДНК схож, – добавила Перчинка.

– Здесь есть еще родственники среди вас? – спросила я, пораженная.

Ребята перекинулись странными улыбками.

– Есть!

Перчинку явно что-то радовало так, что она походила на довольную собаку, откопавшую кость динозавра.

– Привет, Тесс.

Этот голос, раздавшийся позади, заставил мое сердце замереть. Он словно вырван из моих снов!

Этого не может быть! Я медленно обернулась и издала нервный всхлип.

– Томас?!

Мой брат стоял посреди ресторана и улыбался ровно так же, как и Перчинка. И Зелибоба. И похоже, все остальные в этом чудаковатом месте, где мертвые возвращаются обратно. Я не верила своим глазам! Я вижу призрак! Это не по-настоящему! Этого просто не может быть!

Но мой брат стоял передо мной такой живой и настоящий, словно не умер восемь лет назад!

Пока он подходил ко мне, я разглядывала его черты, не смея дышать – боялась, что мое дыхание сдует его, как невесомый образ. Все те же волнистые каштановые волосы, которые он унаследовал от папы, широкая улыбка, обнажающая сразу десять верхних зубов, широкие плечи и мускулистые руки инженера с проступающими венами. Он уже обнимал меня, а я по-прежнему не могла сделать вдоха от напавшего ступора.

Я будто оказалась в параллельной вселенной со всеми этими загадками: мутация, люди на поверхности, дом с открытыми дверями и окнами... и мой брат, воскресший из мертвых! Черт возьми, я все это время жила в каком-то кошмаре, не подозревая, что там за стенами подземелья существует совсем иная жизнь, частью которой я стала так неожиданно и резко.

Я разглядывала лицо Томаса, даже шупала его за нос и щеки, пытаюсь проверить на достоверность, а вдруг это какой-нибудь бионический робот? Вдруг все это – вымысел или сон? Вдруг он исчезнет в следующую секунду?

Мой брат нисколько не изменился за эти восемь лет! Те же редкой красоты карие глаза с желтым диском вокруг радужек, острый прямой нос с легкой россыпью блеклых веснушек, и неизменная торчащая родинка сбоку на подбородке, как у папы. Мой Томас! Мой родной брат жив!

Я вдруг поймала себя на мысли, что он выглядит ровно таким, каким я видела его в тот роковой день шестьдесят третьего, когда зараженные напали на Желяву. Это было восемь лет назад. Томасу было двадцать три, мне – пятнадцать. И если вирус замедляет процессы старения в человеческом организме, значит в данный момент физиологически мы с братом одногодки! Это невероятно! Он словно остановился на полпути, чтобы подождать, и теперь мы идем бок о бок, как близнецы с одними интересами, умозаключениями и ценностями.

– Томас! Как же так? – прохрипела я, плач задавил мои голосовые связки. А я другого и спросить даже не могла. Я не знала, что спросить, как начать разговор. Что вообще нужно делать, когда твой мертвый брат воскрешает?

Томас обхватил мое лицо руками и посмотрел прямо в глаза. Он улыбался, но улыбка его все равно была грустной. Потому что это не веселый праздник, а скорее печальное откровение. Я оплакивала все то, что мы потеряли за эти года, а получается, потеряли напрасно, потому что причины не было, ведь Томас жив, поверхность обитаема, а вирус не всемогущ! Я все это время жила в обмане!

В глазах Томаса проступили слезы. Мы понимали друг друга без слов. Он поцеловал меня в лоб и крепко обнял, точно боялся потерять вновь. Я уткнулась ему в грудь и позволила себе расплакаться.

Глупая картина: стою в трусах с дыркой на заднице, обнимаю брата, держа стальную трубу в руках, и реву, как сопливая девчонка. А мой брат, который должен быть мертвым, стоит здесь живее всех живых, да еще и не постарел нисколько. Прям сцена из пьесы абсурда.

Так мы и стояли несколько минут, пытаюсь наверстать все то время для объятий, которое было у нас украдено.

24 декабря 2071 года. 09:00

Томас

Я едва узнал мою сестру.

Во-первых, она выглядит, как Том Сойер в поношенном дырявом белье, от которого исходит многодневный запах немытого тела, с какой-то трубой в руках, напоминающей сушилку для полотенец.

Во-вторых, эта красочная татуировка на всю длину правой руки и обрезанные до мочек ушей лохматые волосы, свисающие паклями, делали ее похожей на члена какой-то преступной банды мародеров.

Но когда я увидел ее лицо, мое сердце завывало.

Я знал, что она получила серьезные ранения во время прорыва базы восемь лет назад, но никогда бы не подумал, что они так сильно покровсали мою сестренку. Тесса больше не пятнадцатилетняя девчонка с милой улыбкой и длинной золотистой косой до лопаток. Это больше не серьезный подросток, обуянный амбициозными планами стать видным ученым, который найдет способ спасти человечество. Я даже испугался на секунду, предположив, что от моей сестры вообще ничего не осталось. Потому что передо мной стояла девушка с мышцастыми руками и накачанными ногами профессионального бегуна. Левая сторона тела, как и лицо, покрыты сморщенной кожей с белыми рубцами, отчего она похожа на старуху, если не смотреть на остальную часть тела. Ее голова – наполовину лысая из-за шрамов от ожогов, а массивные рубцы на лице тяжело свисают складками со лба на глаз, слегка закрывая его.

Моя красивая сестренка превратилась в сурового уродливого солдата, закаленного в жестоких тренировках и кровавых битвах. Тесса больше не ученый, теперь она – боец, который перестал видеть смысл в чем-либо кроме войны.

Моя чрезмерно разросшаяся совесть противно запищала своим мерзким голосочком о моей обязанности старшего брата, которую я с треском провалил – я не уберег сестренку от несчастий, я оставил ее один на один сражаться со свирепой судьбой. Хотел бы я сказать, что у меня не было выбора, но совесть – это же такая штука: раз она появилась, ее уже ничем не вывести с полотна сознания, точно въевшееся пятно засохшей крови, которое даже под аммиаком не сотрется, а лишь размажется повсюду.

Но когда Тесса стала плакать у меня на плече, я понял, что еще не все потеряно. Прежняя Тесса где-то там глубоко внутри, она просто спряталась до тех времен, пока не вернется большой и грозный старший брат – вечный защитник и самый верный друг для младшей сестренки.

Ребята – молодцы. Все время нашего глубоко и даже интимного воссоединения они делали вид, что не обращают на нас внимания: молча приветствовали меня кивками, тихо рассаживались за длинный стол, передавали тарелки с едой и едва слышно перебрасывались своими глупыми шуточками, пока мы с Тессой стояли в обнимку и давали волю слезам. А ведь моя встреча с Тесс была темой номер один для обсуждений последние два дня.

Каждый высказывал предположение о том, как произойдет наша встреча. Малик ставил на то, что она меня изобьет за то, что я скрывался от нее столько лет. И честно сказать, когда я увидел трубу в ее руке, то даже испугался на секунду, что Малик окажется прав. Наша вечная заступница за мир Хайдрун была уверена, что Тесса станет прыгать от счастья, ведь она не только выжила после нападения инфицированных, но и нашла потерянную семью. Свен уверял, что Тесса – равнодушный человек, потому что командирами становятся только бездушные ублюдки, готовые пристрелить собственного укушенного солдата из-за страха перед вирусом. А я же не хотел ни на что надеяться. Я просто ждал, когда моя сестренка очнется, чтобы вновь обрести ее.

– Почему ты не сказал, что выжил?

Упрек Тессы мне понятен. Ведь из нас двоих именно она все это время пребывала в неведении.

– Я не мог вернуться в таком образе. На базе для нас не место.

Мы наконец устроились за столом с остальными ребятами и приступили к завтраку. Но Тессу мало волновала еда, хотя я понимал, что она такую вкуснятину никогда в жизни не ела и устоять перед аппетитными запахами было чертовски сложно.

– Почему ты так думаешь? Ведь ты же по-прежнему человек!

– Они бы провели тест и нашли вирусный ген в моей крови.

Тесса задумалась. В предстоящие дни я буду часто замечать на ее лице это озадаченное выражение.

– Мы можем заразить остальных? – спросила она с опаской.

– Да, вирусные гены присутствуют в нашей крови, как и у зараженных. Хотя наша мутация изменяет саму ДНК вируса, берет его под контроль. Наша ДНК – это нечто среднее между ДНК человека и ДНК зараженного. Кейн использует наш генетический материал в своих исследованиях.

Тесса оглядела, сидящих за столом ребят.

– Это поразительно! – произнесла Тесса спустя минуту. – И вы все здесь укушенные?

– Все до одного!

Ребята радостно поглядывали на нее, как будто хвастались этой необычной мутацией. Я представляю, как ошеломлена Тесса, сколько вопросов витает у нее в голове. Мы все проходили через эти же стадии перерождения сознания: потрясение, анализ, сомнение, принятие.

– И что, зараженные не чувствуют нас?

– О, нет! Еще как чувствуют. Просто мы для них несъедобно воняем, – пошутил Свен.

– Поэтому вы не заколачиваете окна?

– А чего их заколачивать? Зараженные сюда не сунутся, им тут еды нет.

Тесса опасливо огляделась по сторонам. Окна в ресторане самые большие во всем отеле – во всю длину стен. Я понимаю, насколько ей непривычно жить посреди солнечного света. Опять же, мы все через это проходили. Она еще долго не сможет спать с раскрытыми шторами.

Ребята смачно чавкали и прихлебывали горячий кофе, который на Желяве вообще никогда не водился. Но Тесса по-прежнему витала в хитросплетениях собственных мыслей.

– А что с лабораторией? Откуда она здесь?

– Кейн собрал, – ответил Малик, аппетитно хрустя тостом.

– Один?!

– У него на это сорок лет было, – посмеялся наш инженер Ульрих с торчащей в разные стороны рыжей копной волос, которые больше походили на прическу сумасшедшего ученого, подвергшегося сильному удару тока. – Когда я оказался здесь шесть лет назад, лаборатория уже всю жужжала и кряхтела.

Тесса вновь повернулась ко мне, словно вспомнила давнишний вопрос.

– Но что произошло? Как ты здесь оказался? – спросила Тесса.

– Честно говоря, я не знаю. Помню, очнулся уже вне территории базы. Километрах в трех от нее. Меня кто-то вытащил оттуда, – рассказывал я, намазывая клубничный джем на тост.

– Но кто? – Тесса даже не удостоила вниманием ароматный тост перед самым носом.

Свен смерил ее подозрительным взглядом. Он сам готовит у нас джемы и соленья – на продуктовом складе отеля по-прежнему лежат больше двухсот килограммов сахара и соли.

Пришлось всунуть тост в руку Тессы, иначе не избежать ей гнева нашего главного повара.

– Может, зараженные. Может, шпионы Кейна, – ответил Фабио – наш специалист по радиосвязи. Он живет среди нас уже пять лет, а до сих пор не избавился от итальянского акцента, видя в нем важное наследие своей страны.

– Шпионы Кейна?

– Мы о них ничего не знаем. Он не рассказывает. Но кто-то точно сливает ему информацию оттуда, – сказал Свен с забитым блинами ртом, кивая в сторону Желявы, находящейся в сотнях километрах отсюда.

За столом собралась почти вся наша многочисленная семья теперь уже из шестнадцати человек. Кроме Кейна, как всегда. Ребята ели блины и кашу, восхваляя труды Свена, что было обязательным, даже если его тосты подгорели, а рис наполовину сырой. Просто у нас так принято: мы уважаем труд каждого члена нашей миниатюрной базы и не пытаемся сравнивать достижения друг друга. Мира уже нет, и гнаться нам не за чем.

Ребята с интересом разглядывали Тесс. Она еще не знает, что на нее тут смотрят, как на чудо, и уже строят планы с ее именем. Но я не собираюсь торопиться с вовлечением Тессы во все, что происходит здесь. Ей предстоит узнать очень многое.

– Зараженные не тащат добычу, у них нет нор, они питаются прямо на месте поимки добычи, – сказала Тесса, пытаясь отыскать объяснение моему таинственному спасителю.

Я и сам не знаю, как оказался снаружи, но то был точно не Кейн. Он меня подобрал уже много позже.

– Тащат или нет неизвестно. Но одно мы знаем точно: они далеко не такие тупые, как вы привыкли думать там на базе, – ответила Куки.

– Вирус очень нестабилен. Он избирательно воздействует на человеческий мозг в зависимости от окружающих факторов. Но все это тебе Кейн подробнее объяснит после завтрака, – добавил Малик.

Тесса кивнула и наконец откусила тост с джемом. Ее глаза округлились, и в следующую секунду она затолкала в рот весь кусок хрустящего хлеба, не жуя. Кусок еще в глотку не пролез, а она уже жадно поглядывала на стол, как затравленный хищник.

Свен закивал, довольный достигнутым эффектом.

Я был рад проснувшемуся аппетиту Тессы, которая уже запихивала в рот все без разбора, а сидевшие рядом Перчинка и Зелибоба подкидывали в ее топку новые порции блинов, салатных листьев, яблок, хлеба. Все мы проходили через это. Все, сидевшие сейчас за столом, также накидывались на казавшуюся диковинной еду, когда только попали сюда.

В кладовых гостиницы сотни килограммов разных круп от риса до овсянки, а также столь редкие в нынешние времена залежи кофе, соли, сахара. Помимо этого, наш главный инженер-агроном молчаливый Закария целыми днями пропадает в оранжерее, где растут несколько яблочных и апельсиновых деревьев, ряды овощных культур, а также пара грядок с ягодами. А есть и вовсе редкие растения, типа японского багряника и розовых кустов, которые Закария больше, как хобби, выращивает. Его оранжерея – настоящий рай для мусульманина Закарии, который конец света воспринял буквально и теперь строит свои собственные райские сады, коли Аллах пока не принял его к себе.

– То есть вирус способен активировать какие-то мыслительные процессы в мозгу для выживания? – спросила Тесса с набитым ртом.

– И не просто какие-то, а конкретно память.

– В этом и состоит главный постулат теории Кейна.

Ответили Малик и Божена – ассистенты Кейна.

– И в чем же он состоит? – не понимала Тесса.

– Если вирус способен активировать и деактивировать области своего распространения, значит и мы можем это сделать. Надо лишь понять и скопировать его методы, чтобы излечить людей.

Его британский акцент сразу выделяется на общем фоне. Голоса ребят тут же затихают, давимые авторитетом основателя местной мини-базы. Кейн появился в проходе позади нас. Как всегда одетый в черные джинсы и водолазку, облегающие его стройную статную фигуру. Он медленно прошел к столу, украшая наш тесный мир своей горделивой осанкой, и сел на свое место – во главе стола. Кейн его не выбирал, это мы сделали из него нашего короля. По существу, ему вообще на нас наплевать. Он больше дружит с клетками и бактериями, нежели с людьми.

Поначалу, когда я только сюда попал, мне было некомфортно находиться рядом с ним из-за его постоянного молчания, но с течением времени я понял, что я не один такой. Мы все чувствуем себя неловко рядом с ним. Он вроде бы нам жизнь спас, но ведет себя так, будто мы ему не нужны. На деле мы для него просто сопутствующие знакомые и материал для изучения и обосновались здесь, потому что ему нужны наши разнообразные жидкости для создания противовирусного препарата. Кто-то стал помогать ему, кто-то взялся восстанавливать отель. Кейн был не против, но и особого энтузиазма не испытывал. Он вообще довольно закрытый человек. Мы до сих пор не знаем о нем ничего кроме того, что написано в учебниках из Хроники. Он никогда не рассказывает о своей жизни до Вспышки, не называет имен, не впадает в старческие воспоминания, хотя давно вошел в подходящий для этого возраст. За восемь лет, что я прожил с ним под одной крышей, я не узнал о нем ничего больше того, что узнал в самый первый день. И хотя по его равнодушному меланхоличному выражению лица можно подумать, что за семьдесят семь лет жизни он потерял способность чувствовать и изображать эмоции, со временем я начал замечать оттенки глубокой печали в его глазах. Конечно, я могу это все надумывать, потому что по его лицу и впрямь тяжело понять, что он чувствует в данный момент. Но я человек, а люди обладают странной способностью предугадывать то, что сокрыто от органов восприятия. Интуиция. И вот моя интуиция подсказывает мне, что несмотря на нашу многочисленную семью в этом отеле в горах, Кейн по-прежнему очень одинок.

Для нас Кейн – главнокомандующий нашей маленькой базы, хоть сам того и не признает. Он здесь самый старший и опытный из всех, через тридцать лет ему стукнет сотня! В это сложно поверить, поэтому мы воспринимаем его как реинкарнацию Махатма Ганди. В чудеса почему-то верится легче, нежели в шокирующий, но доказанный факт, пусть он даже сидит тут перед тобой.

– Излечить людей? Ты имеешь в виду зараженных? – удивилась Тесса.

– Почему тебя это удивляет? – голос Кейна был спокойный и ровный, как всегда, хотя мы сразу поняли, что скептицизм во фразе Тессы пробудил в нем раздражение профессора, недовольного глупым вопросом первокурсника.

– Потому что логично бороться за жизни живых людей, а не зараженных!

– Хочешь сказать, что считаешь зараженных мертвыми? Думаешь, им невозможно помочь?

Тесса нахмурилась, попыталась что-то сказать, но слова застряли в горле от взорвавшейся в мозгу бомбы противоречий. Да-да. Именно через это состояние мы все и проходили.

– Ну, в общем-то, думала до настоящего момента! – Тесса наконец совладала с замешательством.

Кейн и Тесса сидели в разных концах стола, а потому остальные ребята, сидевшие между ними, вовлеклись в рождающийся спор, сами того не желая.

– Ученые сорок лет пытаются найти средство остановить прогрессирование болезни в первые два часа заражения. Как известно, после комы человек перестает быть человеком, и с этого момента процесс превращения необратим, – добавила Тесса.

– Ключевое слово здесь – сорок лет. Я думаю, это достаточно длинный срок, чтобы признать неверное направление исследований, – спокойно парировал Кейн.

– А что ты предлагаешь? Как работает твое лекарство? – Тесса даже руками развела от замешательства.

– Это не лекарство.

– Что же это тогда? – спросила Тесса.

– Для начала тебе надо понять саму природу вируса. Он встраивается в ДНК, и извлечь его оттуда невозможно. Его можно лишь подавлять.

– Ты имеешь в виду, подавлять симптомы его проявления?

– Именно.

Видно было, что Тесса скептически относится к предположениям доктора. Вирус это не инфекция, от него невозможно избавиться. Раз оказавшись в человеческой среде, он остается там навсегда. Но его проявления можно контролировать, его можно лечить. И весь скепсис Тессы в этом и состоял: как вылечить тех монстров снаружи?

– Это же не кашель или насморк какой-нибудь. Что ты собираешься подавлять в зараженных? Облысение? – спросила Тесса с иронией.

В ресторане тут же стихло. Серебряные приборы зависли над тарелками, стаканы в руках повисли в воздухе. Ребята поглядывали то на Тессу, то на Кейна. Я присоединился к наблюдателям. Мы жили в предвкушении этого противостояния между солдатом и ученым, которое началось раньше, чем мы предполагали. Должен заметить, я недооценил Тессу. Она повзрослела. И она действительно превратилась в бесстрашного и прямолинейного солдата. Как и в приверженца винтовки и бомб, походу.

– Я имею в виду..., – под давлением пятнадцати пар глаз Тесса немного замялась, – вы видели их вообще?

Тесса оглядела каждого присутствующего, мол, вы забыли, на что способны эти твари?

– Мутированный метаболизм подвергает трансформации каждую часть тела, начиная от крепких когтей и длинных клыков, заканчивая отключением мозговых долей. Как это можно изменить?

– Позволив вирусу завершить процесс превращения. Это – единственный способ одолеть его, – Кейн был невозмутим.

Тесса открыла рот от негодования.

– То есть, ты предлагаешь заболеть человеку каждой клеткой организма, чтобы выздороветь? Что за бред? Наши ученые на базе пытаются создать вакцину для живых людей, а не для зараженных.

– И как? Успешно? – у Кейна от насмешки даже уголок губ чуть приподнялся.

Глаза Тессы сузились, пока мозг оценивал степень этой британской ухмылки.

– Хочешь сказать, твои опыты успешны?

– Безрезультатны.

– Ну я вся во внимании!

– Это было бы проще объяснить, если бы ты хоть что-то понимала в генетике и вирусологии, – парировал Кейн.

Я прямо-таки услышал, как скрипнули желваки Тессы.

– Тесса закончила четыре года общей научной подготовки на «отлично», – я попытался исправить напряжение.

– Я тебя умоляю, это же детский сад, – бросил в своей привычной надменной манере Кейн.

Челюсти Тессы заскрежетали, пока она сверлила доктора уничтожающим взглядом.

– Так что конкретно может твое лекарство?

– Повторю еще раз: это не лекарство.

– Хорошо. Что конкретно умеет ... твоя микстура от кашля?

– Тесса! – даже я не выдержал и попытался ее остановить.

Глаза Кейна сверкнули раздражением и слегка прищурились. Я прямо отсюда чувствовал жар его гнева. Ребята поджали губы, запрещая самим себе вступать ради своего же блага. Впасть в немилость Кейна – главнокомандующего базы – глупая затея. А перечить командиру боевого спецотряда вообще может оказаться смертельным. Поэтому ребята продолжали с дотошностью нейробиологов изучать клетки своих тарелок.

– Это результаты исследований длиной в сорок лет! – Малик не мог стерпеть пощечину Тессы, он все-таки работал с Кейном.

Сестренка же боевого духа не теряла. Кажется, я ошибся даже больше, чем предполагал. Ей не нужна моя опека. Ей вообще ничья защита не нужна, она сама людей как орехи крошит.

– Прости, Малик. Но я слишком долго верила в ту лапшу на уши, что твердил изо дня в день наш Генералитет. А сегодня утром проснулась в совершенно ином мире, и все, чем меня пичкали на базе, оказалось заблуждением. Так что, прежде чем поверить в очередную историю про чудесное и единственное спасение человечества, я бы хотела лично убедиться в состоятельности вашей теории.

– В этом-то и отличие между нами: там, на базе вообще ничему не учат! Там исследования сократили до развлекательных упражнений с микроскопами! Во главе базы стоит человек в военной форме! Разумеется, он будет пропагандировать напалм, как единственный верный способ выжить! – Малик неистовствовал.

– А вы чем лучше? Вы способны защитить пятнадцать тысяч человек? Вы можете построить укрепления, которые выдержат натиск сотни зараженных, каждый из которых сильнее человека в десять раз?

– Тебя здесь никто не держит! Можешь возвращаться на свою базу! – ответила Божена.

Ее черные волосы всегда ровно уложены в длинный хвост на затылке, а плотная стена густой черной челки свисала аж до бровей. Но в этот раз челка не сумела скрыть проступившие на лбу две вены, разбухшие в унисон негодованию.

– Ошибаешься! Меня здесь держит мой долг перед человечеством. И если вы действительно нашли способ контролировать заразу, я хочу убедиться, что это правда.

– Мы никому ничего не должны!

– Еще как должны! Вы стали обладателями необъяснимой мутации, которая, возможно, позволит нам наконец найти способ одолеть смертельный вирус и спасти людей! И хочешь ты или нет, но с великой силой приходит большая ответственность! – с напором закончила Тесса.

– Это же, кажется, цитата из Человека-Паука, – шепнула Хайдрун Зелибобе.

– Ш-ш-ш, – ответил тот, сосредоточенно разглядывая зерно риса в тарелке.

– Тогда может тебе следует постараться понять суть исследований Кейна, прежде чем делать выводы об их бессмысленности?

– Оставь, Малик, – перебил Кейн своего ассистента, – с солдатами спорить бесполезно. Им нужны факты и цифры. Они не способны думать собственными мозгами, потому что там все занято информацией о том, какая винтовка стреляет дальше, а какая бомба убивает больше. Солдаты не ищут причин. Они просто выполняют приказы.

Краем глаза я видел, как Куки и Хайдрун спрятали головы в плечи. Многие вторили им. Никому не был приятен этот разговор, и было бы лучше, если бы он состоялся лишь между этими двумя оппонентами. Солдат и ученый – битва длиною в целую историю человечества.

– Да, эти навыки пригодились нам всем, когда ученые объявили об успешном создании вакцины, отменили карантин и выпустили на волю двадцать два зараженных пациента.

Слова Тессы заставили Кейна побледнеть. Он даже глазом дернул. Ну хоть что-то способно вывести его из этого чугунно-молчаливого равновесия. Интересно, Тесса понимает, кто перед ней сидит?

– С того момента заразу было не остановить, – продолжала Тесса. – Началась пандемия, а с ней и массовая истерия населения. Военные стали единственной преградой между человеком и вирусом. Они разворачивали блокпосты, организовывали зоны эвакуации и строили пограничные рубежи. Все ваши родители выжили, благодаря тупым солдафонам, умеющим лишь нажимать курки по первому приказу.

В зале наступило молчание. А я продолжал поражаться тому, насколько Тесса повзрослела.

– Я смотрю, ты на отлично выучила историю военных достижений прошлого. Однако, помогло ли это тебе познать природу вируса? Или ты веришь, что его можно выжечь ядерной бомбой? Это – единственное, что люди не успели применить тогда.

– Знаешь, как-то тяжело бегать с микроскопом в руках и разглядывать образцы крови, когда за тобой гонится толпа разъяренных монстров, желающих разорвать тебя на куски.

– Может, если бы ученым сегодня дали больше свобод и возможностей, то эра подземных баз и бункеров уже подходила бы к концу.

– Сколько лет, ты говоришь, уже потратил на поиск волшебной сыворотки? Сорок? А нам все это время что прикажешь делать? Сидеть на деревьях и ждать?

– Ты не можешь использовать этот аргумент. Подобные исследования должны проводиться масштабно. Необходимо несколько лабораторий для разделения процесса изучения вируса: извлечение, наблюдение, апробация. Я выполняю работу сразу нескольких сотен человек. Разумеется, исследования идут медленно. И если бы твой Генерал хотя бы на секунду допускал вероятность, что война с вирусом может быть выиграна в чашке Петри, то сегодня мы, возможно, уже имели бы сыворотку, сдерживающую скорость заражения.

– Как в далеком тридцатом году?

Я опустил глаза. Тесса знает, кто перед ней сидит. Сейчас Тесса уничтожит Кейна.

– И да, мой брат прав. Я на «отлично» окончила курс общей научной подготовки. И я вспомнила тебя. Ты доктор Август Кейн из лаборатории в Стокгольме, которая объявила о создании вакцины, отменила карантин и выпустила тех двадцать два зараженных человека на улицы.

Кейн опустил глаза. Но, скорее для того, чтобы достойно снести этот озвученный факт, а не из-за того, что совесть мучает его последние сорок лет. Мне кажется, она уже давно померла где-то внутри его души, потому что невозможно столько лет корить себя за допущенную ошибку. Излишнее самобичевание может в могилу вогнать, и Кейн – последний человек на Земле, который хочет туда.

До того, как оказаться здесь, я всегда поражался тому, насколько спокойны и миролюбивы старики. Будто они – иная раса людей, более зрелая, мудрая, благодушная. Но ведь они – это мы через несколько лет, а значит грехов в их тележке – лопатой гребь. Какими бы миролюбивыми и смиренными они ни казались, в их душах ураганы побольше наших воют. И сейчас, пусть мы и выглядим молодо, передо мной – фактически тридцатиоднолетним парнем – сидел фактически семидесятисемилетний старик Кейн. И эта его стариковская смиренность и принятие собственных грехов прошлого создает на молодом лице Кейна маску хладнокровия и равнодушного эгоизма. Восьмидесятилетняя мудрость не идет молодому лицу, делает его ненастоящим, фальшивым, искусственным и даже пугающим.

Такая вот очень тонкая грань между достойной старостью и заносчивой молодостью в нестаревшем теле, и яркими представителями этих возрастов сейчас были Кейн и моя адская сестренка.

Тесса нагнулась над столом и, уже не скрывая презрения к Кейну, произнесла:

– Надеюсь, денег дали много. Успел купить домик в горах? Или двухэтажную яхту?

– Ну ты и сука, – злостно бросила Божена.

– Как видишь, не успел, – ответил Кейн, не обратив внимания на выпад Божены, которая готова была за ним хоть в пекло пойти.

– Это не значит, что доктор Кейн виноват в распространении вируса! Пандемия началась бы, несмотря ни на что! Зараженные обладали огромной физической силой! Ты говоришь ерунду! – взорвалась Божена.

И да. Она влюблена в Кейна до беспамятства.

– Я об этом и не говорю! – тут же парировала Тесса. – Я хочу удостовериться в том, что следующее заявление доктора Кейна о найденном решении проблемы окажется реальным прежде, чем мы начнем подвергать риску последних оставшихся в живых людей!

После этих слов Кейн встал из-за стола, взял в руки тарелку с сэндвичем и кружку с надписью «Босс всегда прав». Мы нашли эту кружку много лет назад в одном из номеров отеля и подарили Кейну. Сейчас почему-то это не казалось такой уж хорошей шуткой.

– Если вдруг захочешь расширить горизонты своих скудных знаний, ты знаешь, где меня найти. А если нет, ты знаешь, где выход.

С этими словами Кейн покинул ресторан.

Наступило долгое молчание, никто не смел в рот ни куска взять. Божена сверлила Тессу взглядом мстительного убийцы и крутила в руках нож. Остальные молча ковыряли кашу и изредка бросали опасливые взгляды на мою сестру. Наконец Малик нарушил молчание.

– Томас сказал, что ты хотела стать ученым, – произнес он с толикой легкой досады. Он и впрямь ожидал от нее нового сообщника в борьбе с вирусом, которую он тоже ведет в лаборатории.

– Когда находишься на грани между жизнью и смертью, а потом просыпаешься и понимаешь, что твой брат мертв, а следующие несколько месяцев тело болит так, что хочется застрелиться, жизненные ценности как-то сами собой меняются, прикинь? – устало ответила Тесса, понимая, что переборщила.

Ее слова больно кольнули меня в сердце. Она словно и меня обвиняла в том, что с ней произошло. А я поймал себя на мысли, что все это время даже отдаленно не представлял, каково ей было там, на базе, все эти восемь лет. Похоронить сначала родителей, потом меня. Насколько же она обозлилась на мир, что ее мечта стать ученым резко изменилась на мечту стать огнестрельным оружием? Почему-то нынешняя негибкая мужественность Тессы теперь вызвала во мне лишь жалость к ней. Наверное, потому что я понял, что стать военным не было ее выбором. Ее на это вынудили обстоятельства. Вот так и живешь, уверенный в одном сценарии своей жизни, а в следующую секунду тебя пригибает так, что ты вынужден переродиться в другого человека ради того, чтобы выжить. Это несправедливо. Но и изменить ты это не в силах. С годами вообще перестаешь верить в какую-либо справедливость.

У Тессы была своя правда, и она имела все шансы на существование, потому что ни один из нас не видел всего того, что ей пришлось пережить. А мы о ней и одного процента информации не знаем. Шпионы Кейна немногословны. Они рассказывают только о громких событиях, общаются только с Кейном, который фильтрует информацию еще больше, и в итоге мы получаем крохи. Мы понимаем, что у Тессы для нас найдется масса историй на каждый день, и, несмотря на ее упрямство, очень хотим, чтобы она стала частью именно нашего плана по спасению человечества, а не того, кто заключил людей под землю.

– Вам всем здесь крупно повезло. Вы выжили! – начала Тесса после долгой паузы. – Но выжили вы не благодаря ученым или военным, а потому что природа наделила вас странной мутацией. Я выжила не только потому, что обладаю этой мутацией, и не только потому, что Кейн меня нашел, и не только потому, что моя экипировка не позволила зараженным растерзать меня на части. Я выжила из-за совокупности всех факторов. И этому надо давать отчет, прежде чем становиться категоричным и выбирать чью-либо сторону!

Тесса была права, и я видел, как в глазах ребят снова проступает то любопытство, с которым они разглядывали ее вдохновляющую татуировку с кораблем на бушующих волнах и маяком вдалеке.

Тесса мыслит здраво. Испытания судьбы превратили ее в недоверчивого, придирчивого параноика, который до последнего будет ходить посередине, прежде чем сделать выбор.

– Вы выжили, – повторила она уже печальнее, – но люди там снаружи продолжают умирать. И если не зараженные их загрызут, то подземная жизнь убьет. Смертность давно превы-

сила рождаемость, и человечество медленно вымирает под землей даже без помощи вируса. И я здесь сижу не для того, чтобы мозгами мериться, а для того, чтобы понять, кем я стала и почему так произошло!

Ребята едва заметно закивали, чем вызвали явное недовольство Божены и Малика.

Тесса обличила в слова то, о чем мы сами думаем уже много лет: природа дала нам шанс, который мы так долго ждали, и нам бы всем его не профукать, как это сделали наши предки.

– Если ты и впрямь хочешь спасти человечество, тебе пора оставить винтовку и начать читать учебники по генетике.

С этими словами Малик встал из-за стола, собрал посуду и ушел на мойку. Божена последовала его примеру, оставаясь верной умом и сердцем лишь научному подходу.

Что-то мне подсказывало, что жизнь в нашем отеле больше никогда не будет прежней.

24 декабря 2071 года. 10:00

Алания

В агроблоке, как всегда, влажно, безлюдно и тихо. Мне нравится быть здесь. Царящий здесь покой накладывает умиротворение точно пластырь на мое израненное сердце. Это – единственное живое место во всей подземной базе, несмотря на его тишину и пустоту. В перерывах между работой я просто сижу на холодном полу, прислонившись к тепличным стеллажам, из которых торчат зеленые ростки сои. Я прижимаюсь к ним лицом, дышу их безвкусным ароматом, наблюдаю за их ростом прямо перед моими глазами. Иногда мне кажется, что эти маленькие зеленые ладошки с жилками, напоминающими кровеносные сосуды, тянутся ко мне, чтобы утешительно погладить по плечу, похлопать по спине, приложить голову к их маленьким грудям и сказать, что все пройдет. Всякая боль пройдет.

И эта тоже.

Повышенная влажность и избыток кислорода иногда играют шутки с моим сознанием, и тогда мне кажется, что я даже слышу их тоненькие шепчущие голоса, которые зывают к остаткам жизни внутри меня и призывают следовать их примеру – несмотря ни на что, тянуться вверх к животворящему свету, пусть искусственному, но все же к свету, за которым стоит какая-никакая жизнь.

Все на этой базе искусственное: воздух, вода, еда, люди... Этот мир мне кажется настолько чужеродным, что я уже чувствую, как гнилой спертый воздух подземелья разъедает мои легкие, заражает бронхи, впитывается в кровь, а я ничего не могу с этим поделать. Сегодня ночью я не могла уснуть из-за кашля. Вызванный моим заботливым братом Квентином врач осмотрел меня и сообщил, что у меня все признаки зарождения астмы. И все. Он не сказал, как это лечить, потому что здесь нет таких лекарств, но предупредил, что работа в агроблоке убьет меня повышенной влажностью, которая лишь усугубит симптомы. Я вежливо улыбнулась, поблагодарила этого юного джентльмена, который ни разу в своей жизни не был на поверхности, и пришла сюда. К жалкой пародии моей прежней жизни, которая вскоре меня убьет.

Я трогаю соевые ростки: зеленые листья на ощупь, как пластмассовые, они совершенно не такие, как их собратья снаружи. Да, они дают плоды, но они полумертвые. Также, как и я. Также, как и весь мир вокруг.

Желява полумертва. Тесса не видела этого, зазывая нас сюда, как на последний безопасный оплот для человечества. Но я не виню ее, ведь у нее был приказ, и хуже того – у нее была вера в этот приказ, вера в то, что она действительно нас спасает.

Но в то же время нахмуренные брови и тусклые огоньки безысходности в голубых глазах выдавали в ней сомнения, которые призывали ее признать мрачную правду – на Желяве нет спасения, здесь есть только отсрочка. И осознание того, что вся жизнь подземной базы лежит на тикающей бомбе, толкало Тессу в объятия панического отчаяния, бросало в неотступные

поиски новых безопасных мест. Тигран увидел в ней живой свет искателя и защитника и повел за ней людей.

К сожалению, они оба отдали свои жизни за веру в то, что медленно умирает и что в скором времени превратится в ад, если население ничего не предпримет. Тесса, Царствие ей Небесное, не до конца представляла масштабы смерти, которая поселилась здесь на базе. Смерть везде. Она поджидает за каждым углом, за каждой дверью, каждый день, каждую минуту. Она окутала воздух, которым мы дышим, таится в воде, которую мы пьем, сидит на плече твоего товарища и просыпается с тобой в одной постели. Желява медленно умирает.

Как и я.

Мне больше не найти покоя после того, как моего мужа вырвали из моей жизни так резко, так внезапно, так жестоко. Словно он не был удивительным и неповторимым, словно он не был маяком в ночи для тысячи трехсот жителей нашей общины, словно он не был исключительным. Словно он не был важен для судьбы.

Тигран ушел и забрал с собой половину моей души, оставив вторую доживать последние дни на этой мертвой земле, где больше не осталось смысла жить.

Я ругаю себя за подобные мысли, но больше потому, что они расстроили бы Тиграна, услышь он их, а не потому, что нахожу их депрессивными и противоестественными. Честно признаться, мне нравится придаваться им. Я всегда любила ныть и жаловаться на то, как тяжела наша участь – так я жуликовато выпрашивала у Тиграна внимание к своей важной персоне. И ведь он знал, что я в очередной раз пришла к нему за похвалой и комплиментами, которые не всегда заслуживала честным образом. Но он все равно продолжал потакать моим женским слабостям, самоотверженно терпя мой несносный характер и восхваляя мои ничтожные заслуги.

Какой же я была эгоисткой! Сколько самолюбия и эгоцентризма, когда рядом был человек, принимающий тебя с твоими странностями и недостатками, человек, которым так легко пользоваться.

Но вот хвалебным дифирамбам пришел конец, и теперь с потерей Тиграна я и сама потерялась в своем горе настолько, что иногда все вокруг мне кажется нереальным кошмаром. У меня выбили землю из-под ног, встряхнули так мощно, что аж дух выбило, я словно витаю над землей, как потерянный призрак, ищущий за что бы зацепиться. Воспоминания о Тигране – воздушные облака, сквозь которые рука проходит беспрепятственно, они не способны задержать меня в моменте. Мысли о брате и оставшихся в живых односельчанах – песок в руке, просачивающийся сквозь пальцы так, что в итоге не остается ни одной песчинки на ладони. Мысли о собственной жизни вообще чистый воздух. Они есть, но невесомы и невидимы, потому что не имеют для меня никакого значения.

Я знаю, что надо держаться, что надо найти силы продолжать свой путь, который приготовила судьба лично для меня. Возможно, я тоже уйду также внезапно, как мой муж, возможно, я погибну от рук того же врага, возможно, меня убьет тот же самый монстр, что убил Тиграна. Я не знаю. И не думаю, что хочу знать. Я более не хочу ничего. Потому что живу лишь с половиной души, достаточной только для того, чтобы делать вдохи, есть, ухаживать за растениями и руководить оставшимися в живых односельчанами. Весь азарт, задор, жизнелюбие и бодрость исчезли вместе с потерянной частью души. Вместе с моим Тиграном.

Квентин и Халил не покидают меня ни на минуту. Даже во сне они продолжают блюсти меня, охранять не столько от напастей новой подземной жизни, сколько от самой себя, от новой Алании, которая отныне все больше видит смысла в следующей жизни, в следующем шансе, в назревающем конце, нежели в попытках противостоять суровой судьбе, атакующей нас лишениями. Новая Алания хочет бросить на произвол судьбы всех, кто когда-то был ей дорог, ради кого она была готова пожертвовать собой. Прямо как Тигран. Как Тесса. Как тысяча других людей, оставшихся в том кровавом аду посреди гор.

По прибытии на базу меня пригласили работать в агроблок, и я благодарна тому, что работа нашлась быстро, потому что только в ней я могу занять свои гнетущие думы чем-либо кроме унылых воспоминаний и мрачных идей, которые ведут меня по дремучей тропе в поисках сакрального знания – смысла жизни.

Я всегда любила ковыряться в земле, наблюдать за тем, как жизнь толкает зеленые ростки сквозь толщу земли к солнцу, свидетельствовать взаимовыгодный симбиоз растений и насекомых, и этот божественный акт творения стал важной частью самой меня. Я люблю жизнь. Я люблю ее создавать.

Здесь в агроблоке работает всего по пятнадцать человек в смене, они отвечают за нормальное функционирование тепличных стеллажей, на которых произрастает соя. Эти стеллажи имеют тридцать уровней по три метра в длину и шесть в высоту, в них установлены контейнеры, в которых висят зеленые ростки. Очень занятая система выращивания растений, которую мы бы никогда не смогли воплотить в деревне из-за ее прогрессивной сложности, крайне заинтересовала меня, и я стремлюсь познать ее тонкости.

Выращивают сою по принципу гидропоники вместо традиционного для эпохи Хроник высаживания растений в открытый грунт. Местные инженера-агрономы говорят, что наши способы выращивания растений давно устарели. Опыт доказал, что использование грунта чересчур затратно в плане пространства и воды, а здесь этого, по логичным выводам, строгий дефицит. Автоматизированная система полива опрыскивает вертикальные фермы раствором, обогащенным минеральными удобрениями, а освещение в агроблок подается напрямую с генератора, которого страхует запасной. Фактически агрономы-инженера играют роль операторов компьютера, который использует датчики для сбора данных о влажности, температуре, времени, а потом выдает результаты, на каком стеллаже соя готова к сбору, а где ее необходимо полить.

К сожалению, здесь мои навыки бесполезны. Я знаю все о посеве в грунт, я всю жизнь занималась земледелием, но я не знаю ничего о вертикальных фермах, роботизированных системах полива, а главное – о доверии к бездушным машинам.

Говорю же, здесь все искусственное.

Агроблок – сердце Желявы, а потому охраняется пуще остальных гражданских блоков: у главных ворот стоит группа из солдат отряда внутренней безопасности, некоторые называют их Големами, Падальщики их на дух не переносят. Еще здесь есть отряд наружного видеонаблюдения, которых зовут Назгулами, Падальщики и их недолюбливают. Ну а мы постепенно вливаемся в местный колорит взаимоотношений, частью которых стали, сами того не желая.

Демократия рухнула с возникновением Вспышки, к власти пришли военные. Желява живет в условиях военной диктатуры, которой противится часть населения. Генералитет представляет собой железный кулак, который принимает решения по принципу авторитарности, и единственную идею, которую он пропагандирует с особым рвением и усердием, это идея того, что жизнь на поверхности невозможна.

А потом на базу въезжают четыре машины, забитые людьми до отвала, которые собственными жизнями заявляют об обратном. Но заявляют в довольно противоречивой форме, потому что наша деревня была атакована зараженными людьми и истреблена в ноль. Так что мы не должны были повлиять на противостояние между Генералитетом и его оппозицией, ведь добавили весомых аргументов обеим сторонам: Генералитету – факт того, что нас уничтожили; оппозиции – факт того, что мы жили на поверхности с начала Вспышки. Необъяснимым образом мы всем дали ровно те доказательства, которые они стремились добыть. В итоге, противостояние продолжилось на равных, но уровень напряжения резко скакнул вверх.

Наши сожители в агроблоке говорят, что за последние два дня количество солдат, ведущих караул в коридорах базы, увеличилось вдвое. Я не могу этого утверждать, потому что два дня назад меня здесь еще не было. Но одно ощущаю даже волосками в носу: люди испытывают

неприязнь к отрядам внутренней безопасности, больше видя в них правительственных силовиков, нежели защитников населения от хулиганов.

В большинстве своем Големы и Назгулы готовы пасть на амбразуру Генералитета. Падальщики же занимают промежуточную позицию. В них же население и видит протекторат в будущих стычках между солдатами и гражданскими, если оппозиция генеральскому режиму выльется в реальные столкновения.

Поэтому, когда я пришла сегодня в блок и увидела поджидающих меня Ольгу с Лешей посреди тепличных стеллажей, я не удивилась. Внутренне я ждала очередного появления Падальщиков в моей жизни.

– Как обосновались? – спросила Ольга.

Без их боевой экипировки они с братом показались меньше, чем там в деревне, и все же гораздо выше меня. Здесь они носили легкую солдатскую униформу черного цвета: трико и футболки, из-под рукавов которых я увидела красочные татуировки в виде матрешек и, кажется, балалаек. Причем татуировки у обоих были одинаковые. И хотя я знаю, что они не родственники, все же они походили на брата с сестрой: оба светловолосые с короткими стрижками, выпирающие скулы и серые глаза. Росчерком пера судьба наградила Лешу длинным шрамом вдоль левой стороны лица, пересекающим бровь, точно поставила метку на одном из близнецов, чтобы самой не запутаться.

Я улыбнулась и кивнула, мол, обосновались и ладно. В нынешние времена вопрос «как» уже имеет мало значения.

– Вам опасно здесь находиться. Генерал пристально наблюдает за каждым жителем деревни, – произнесла я, будто судьба профессиональных убийц беспокоила меня больше жизней односельчан.

– За нас не беспокойся. За нами приглядывает Триггер, – ответила Ольга.

– Тот самый Триггер, который приказал зачистить деревню? – тихо спросила я. Даже почти прошептала.

Ольга пристально изучала меня, пока я делала вид, что проверяю уровень азотистых удобрений в одном из контейнеров, сражаясь с подавленностью.

– Триггер такой же подчиненный, как и мы. Он не может противостоять воле Генерала в одиночку, —Ольга была невозмутимой.

– Зато по его воле может спокойно стать массовым убийцей, – также тихо произнесла я.

Не сдержалась. Гнев на всю их базу, чьей жертвами мы стали, горел в груди обжигающим пламенем и рвался наружу. Падальщики принесли смерть в мою деревню, они забрали у меня Тиграна, они уничтожили весь мой мир. За что мне быть им благодарной?

И в то же время я понимала, что не могу винить людей в том, что они пытаются выжить. Во времена кочевков мы тоже оставляли стариков под деревьями, потому что они не могли идти дальше, а мы не могли их нести. Обузы для кочевников – смерть, тем более, когда хищники поджидают в каждом кусте.

Я тоже грешна. По весне я собирала первоцвет и жеруху, варила из них abortивную настойку и давала тем женщинам, чья беременность была не ко времени – к долгому переходу на новое место кочевки, либо когда назревали голодные времена и лишние рты были помехой. Я не слышала обвинений в свой адрес лишь потому, что это были зародыши, неспособные говорить, или старики, не имевшие больше сил говорить. Чем же я лучше Падальщиков? Помоему, я даже подлее, потому что прикрываюсь благодетелью.

– Все нормально. Я не в обиде на вас. Вы спасли сто пятьдесят шесть жителей деревни, – произнесла я в затянувшуюся паузу. – К тому же местные жители уповают на вас, говорят, что только благодаря ресурсам, что вы привозите с поверхности, Желява и живет.

Ни Ольга, ни Леша не ответили. Груз вины за потерянную тысячу с лишним жителей давил на грудь, я чувствовала ее вес, этот крест будет пригибать их к земле до конца жизни.

– Мы слышали, что из-за миссии в деревню Генерал планирует запретить вылазки Падальщиков на поверхность, – произнес Халил.

Внимание Халила к Ольге очевидно так, что его учащенное сердцебиение слышно всем вокруг. Халил самый искренний и добродушный молодой человек, которого я когда-либо знала. Он не умеет врать, и разведчик из него никудышный, а потому Ольга ясно видела его интерес к своей персоне. Но кажется, была не против. По крайней мере, ее глаза то и дело оббегали статную жилистую фигуру Халила, который наконец отмылся от черной восковой смазки с запахом резины, покрывавшей его с ног до головы там в деревне, где он работал с аккумуляторами и маховиком в подвале кирпичного дома. Даже я, знавшая его с пеленок и привыкшая к его сходству с ведром смолы, удивилась, в какого привлекательного молодого человека он успел вырасти подо всеми этими черными масляными разводами. В новом белоснежном рабочем комбинезоне инженера-агронома он выглядел достойно, а его широченная мускулистая грудь выпирала рельефами, которые каждая женщина находит притягательными на генном уровне.

Ольга не постеснялась подарить ему едва заметную улыбку, которая, видимо, сорвалась с ее губ рефлекторно при виде его благодушных больших карих глаз, смотрящих точно в душу. Он же в ответ расцвел такой широченной улыбкой во все тридцать зубов, что Леша скривился в лице, высчитывая степень своей раздраженности этим смельчаком, положившим глаз на его командира.

Эх, юношеская любовь. Самая яркая из всех видов любви. Так у меня было с моим Тиграном.

– Слухи ходят всегда. Не стоит им верить, – ответила Ольга.

– Слухи – это единственный источник информации для людей вне военного блока помимо тех новостей, что распространяет Отдел пропаганды, – парировала я.

Я посмотрела новости лишь раз, егохватило, чтобы понять, какому информационному прессингу подвергаются жители Желявы. От объема хвалебных песен в адрес Генералитета опухоль в мозгу вырастит. Согласно версии Отдела пропаганды, Падальщики, оказывается, нашли нас изнемогающими от голода и холода посреди гор и вовремя спасли от кровожадных чудищ! Эту новость повторяют утром и вечером, вкрапляя самые жуткие и кровавые видеок кадры с того побоища. Если бы я смотрела этот шлак дважды в день, то уже через неделю сама бы поверила в то, что все произошло ровно так, как заявляет диктор с экрана. Несмотря на то, что его в деревне не было, а я была. Отдел пропаганды – сборище тонких психологов и манипуляторов. Неудивительно, что личности, работающие в нем, никогда не покидают пределы военного блока. Служи государству до гроба.

Разумеется, весь этот хрустальный лоск разбивается об очевидные факты: целое поселение умудрялось выживать на поверхности безо всяких подземных баз на протяжении сорока лет, да еще оставшиеся в живых сто пятьдесят шесть деревенщин пышут здоровьем, как древнегреческие боги. А когда я начинаю рассказывать правдивую версию о том, что на самом деле Генерал собирался нас всех в расход пустить, уничтожить целый жизненный уклад, который мы уже третье поколение строили просто потому, что так твердит Протокол, желявцы начинают выключать новостные мониторы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.